

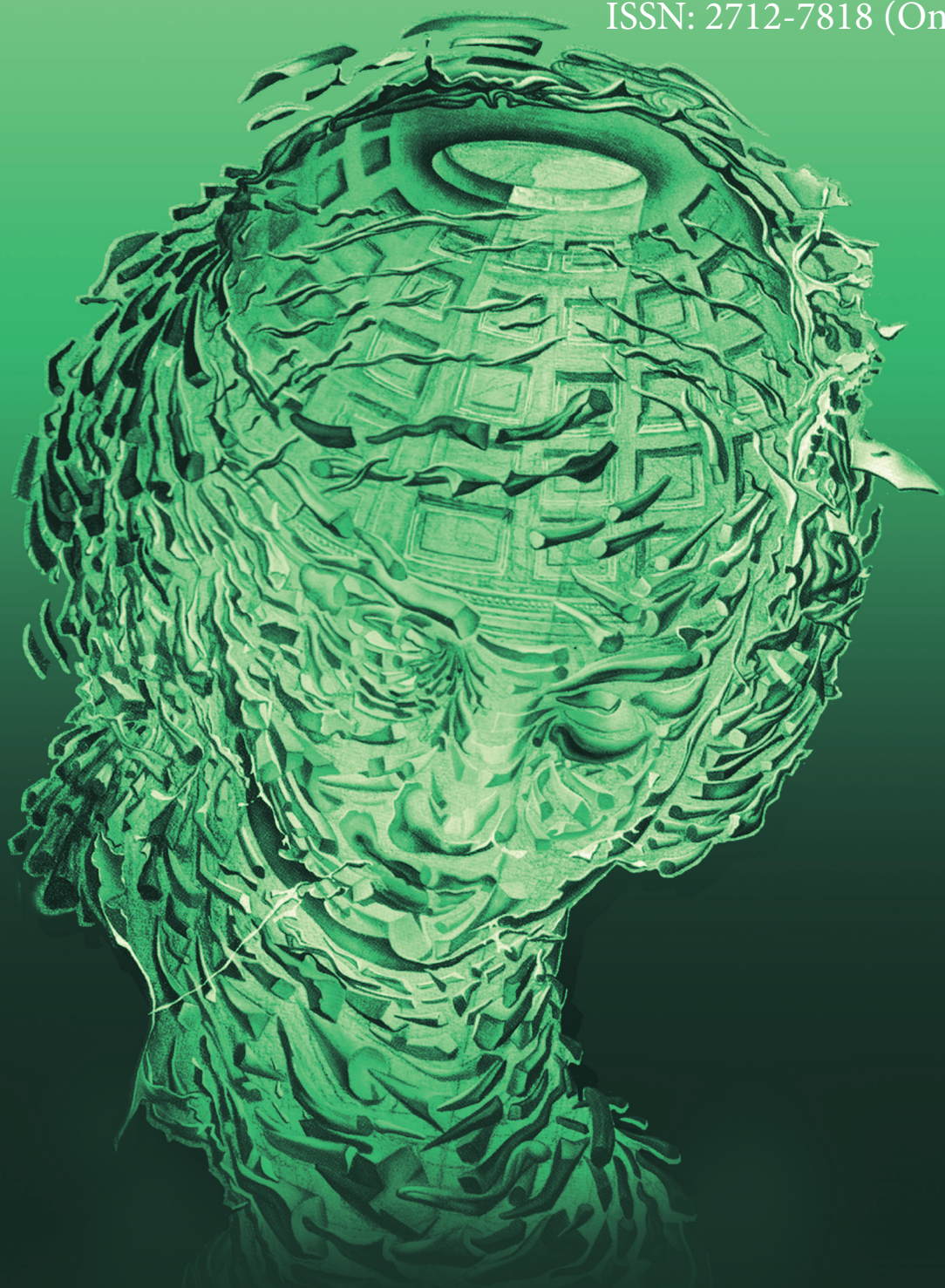
ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

№ 2, 2023

ISSN: 2071-4920 (Print)

ISSN: 2712-7818 (Online)

Юридическая МЫСЛЬ

2023 2 (130)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревна, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Серeda, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarzkiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартъянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёлкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2023»

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2023 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ru izdatcat@eg-online.ru

в Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2023 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-46-25

Адрес в Интернете: <http://lawinst-spb.ru>; <http://matgip.ru>

E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founder and Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European

Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:

199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3

Юридический институт (Санкт-Петербург)

Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12

МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.

Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.06.2023. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 7,2. Усл. п.л. 12,36. Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 2 (130), 2023

На обложке – фрагмент картины

С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2023

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

2 (130)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Иванов Д.В.

Опыт трансцендентальной дедукции права И.Г. Фихте как предпосылка аналитической и феноменологической традиций философии права 8

Комаров С.А., Ковальский Е.С.Ч.

Правовая инфильтрация идеи о достоинстве человека в Декларации о правах и свободах человека и гражданина 19

Мальшев Д.А.

П.Г. Редкин о юридической науке и ее претворении в правовую реальность в историческом процессе развития цивилизации 36

Сошников А.Д.

Зарубежный опыт цифровизации малого и среднего бизнеса 48

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Майоров И.И.

Глава государства в системе разделения властей: российский и зарубежный опыт 74

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Базака В.В.

Киберсталкинг как новый вид преступления 85

Гареев М.Ф.

Уголовная ответственность за повышение тарифов в жилищно-коммунальном хозяйстве 93

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Ivanov D.V.

The experience of transcendental deduction of law I.G. Fichte as a prerequisite for the analytical and phenomenological traditions of the philosophy of law 13

Komarov S.A., Kovalsky E.S.Ch.

Legal infiltration of the idea of human dignity in the Declaration on the Rights and Freedoms of Man and Citizen 27

Malyshev D.A.

P.G. Redkin on Legal Science and its Implementation into Legal Reality in the Historical Process of Civilization Development..... 42

Soshnikov A.D.

Foreign experience of digitalization of small and medium-sized businesses 61

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Mayorov I.I.

The Head of State in the System of Separation of Powers: Russian and Foreign Experience 79

5.1.4. – CRIMINAL LAW SCIENCES

Bazaka V.V.

Cyberstalking as a new type of crime 89

Gareev M.F.

Criminal liability for raising tariffs in housing and communal services 96

Индексация журнала

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

Crossref

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.130.2.008

Опыт трансцендентальной дедукции права И.Г. Фихте как предпосылка аналитической и феноменологической традиций философии права

Д.В. Иванов*

Аннотация. Логика И.Г. Фихте является одной из предпосылок теоретической основы аналитической юриспруденции Г. Харта, хотя и не составляет ее основную предпосылку. Вместе с тем трансцендентальную философию права И.Г. Фихте и аналитическую юриспруденцию сближает интерес к проблеме субъекта правового мышления, который он рассматривает в качестве непосредственного основания дедукции понятия и норм права. Анализ этого пункта открывает перспективы для выстраивания интердискурсивной мыслительной коммуникации между аналитической юриспруденцией, неокантианством, феноменологической и классической философией права.

Ключевые слова: Фихте, Харт, право, личность, правовое мышление, феноменология, философия права, аналитическая юриспруденция.

Усиление динамики социально-политических процессов на рубеже XX – XXI вв., кризис института государства в Западной Европе, утрата надежных механизмов и гарантий выполнения достигнутых международных договоренностей, усиление конкуренции различных правовых систем – все это побуждает российское государство и общество вести поиск устойчивой основы социально-правовых отношений, поиск путей обновления принципов взаимодействия личности, государства, институтов гражданского общества и права, работать над формированием суверенной философии права. Это, в свою очередь, актуализирует в той или иной форме интерес к наиболее значимым политико-правовым и философско-правовым парадигмам современности и к их теоретическим истокам [3, с. 25–31].

---

* **Иванов Денис Владимирович** – аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель **Комаров Сергей Александрович** – научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKumarov2008@yandex.ru.

Исключительно важное значение здесь имеет современная аналитическая юриспруденция – теоретическое течение правовой мысли, у истоков которого стоял известный английский правовед Герберт Харт, «с которым зачастую отождествляется аналитическая юриспруденция» [4, с. 82]. Именно аналитическая юриспруденция на сегодняшний день является формой наиболее точной и адекватной экспликации англо-саксонского правового мышления. В современных условиях противостояния нашего государства со странами «коллективного Запада», прежде всего относящимися к англо-саксонскому миру, важно правильно понимать природу этого мышления.

Применительно к аналитической традиции это означает, прежде всего, возможность раскрыть характерные для нее способы отношения логики и права. Как известно, логические основания аналитической традиции исследованы в работах таких ученых как Людвиг Витгенштейн, Рудольф Карнап, Курт Гёдель и Альфред Тарский. Существенное влияние на становление аналитической традиции оказали также работы известных логиков первой половины XX в. Бертрانا Рассела и Джорджа Эдварда Мура, а также известного представителя британской философии языка Джона Лэнгшо Остина.

Вместе с этим исследователи указывают и на влияние эгологии Эдмунда Гуссерля, которая во многом является своего рода «реинкарнацией» трансцендентализма Иоганна Готлиба Фихте. Эдмунд Гуссерль является основоположником феноменологических методов в современной философии, которые были восприняты в XX столетии преимущественно в рамках неокантианской традиции. Типичным примером здесь может служить русский правовед Н.Н. Алексеев, в работе которого «Основы философии права» осуществлена первая попытка адаптировать феноменологическую методологию к неокантианским правовым разработкам.

На рубеже XX – XXI веков все чаще стал звучать вопрос о смысловом «диалоге» аналитической юриспруденции и феноменологической философии права, и даже – об их прямой конвергенции. Во многом импульс к такого рода эволюции западной философско-правовой мысли был дан работами Рональда Дворкина [6, с. 104–113]. Чтобы такого рода «диалог» двух философско-правовых традиций оказался продуктивным, а значит, стала бы в большей степени реальной возможность взаимопонимания юристов, относящихся к этим традициям, необходимо более внимательно рассмотреть отношение к праву тех философов, которые сформировали методологические основания, как феноменологии, так и аналитической юриспруденции. В этом аспекте речь должна идти в первую очередь о Э.Гуссерле, но также и о его историческом предтече – И.Г. Фихте.

Для аналитической юриспруденции с ее лингвистическим поворотом к опыту исследования языка [5, с. 203–210] как основы юридического мышления, особый интерес представляет выявление логических оснований мышления (в отличие, скажем, от современных вариантов феноменологии, которая в большей степени склонна, наоборот, видеть логику укорененной в языке). Суть учения Г. Фреге как основы методологии аналитической юриспруденции как раз и состоит в том, что законы логики «выражают природу объективных, вневременных мыслей, а не человеческого мышления, схватываемого в законах обычной грамматики» [1, с. 76]. Именно та-

ков был и путь, предложенный И.Г.Фихте для дедукции основополагающих начал правового мышления: от логики чистого мышления – к основным нормам права.

Ему принадлежит несколько работ, посвященных философско-правовой и непосредственно политико-правовой проблематике: «Замкнутое торговое государство» [8], «Основные черты современной эпохи» [9], «Теория государства или об отношении первоначального государства к царству разума» [10], отчасти – «Система учения о нравах согласно принципам наукоучения. Наукоучение 1805 г. Наукоучение 1813 г. Наукоучение 1814 г.» [11]. Но главной работой, в которой он осуществил интересующую нас в указанном выше смысле задачу – дедукцию понятия права и его норм из логических принципов разума – был трактат «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» [7].

Методом такой дедукции для И.Г.Фихте стала трансцендентальная рефлексия. Высший исходный пункт, из которого ученый стремится вывести всё содержание правового мышления, является единство самосознания – принцип «Я» – в его тождестве с самим собой («Я = Я»). Это «Я = Я» имплицитно содержит в себе высший принцип логики «А = А», который конкретизируется как закон тождества. Из последующих основоположений, которые представляют собой своего рода модификации «Я = Я», автор «Основ общего наукоучения» абстрагирует остальные законы логики.

Здесь важно иметь в виду, что принцип «Я» для И.Г.Фихте является не пустым тождеством самосознания, а активным началом, единством субъективности и субстанциальности. В таком качестве он является одновременно и абсолютным началом познающей личности, и ее глубочайшим внутренним содержанием. Это диалектическое единство субстанции и субъекта, абсолютного и единичного, поэтому не является внешним объектом, а составляет содержание деятельности самого субъекта и раскрывается в акте рефлексии. Такого рода рефлексивная методология во многом созвучна логическим построениям Витгенштейна, лежащим, в свою очередь, в основе логического фундамента аналитической юриспруденции Г. Харта.

Чтобы перейти от этих абстрактных логических определений к более конкретным правовым принципам, Фихте требуется в качестве следующего шага доказать, дедуцировать, множественность Я, поскольку право как раз есть то, что определяет отношения между множеством субъектов и устанавливая между ними формальное равенство, сводит их к внутреннему единству: «Понятие права должно быть изначальным понятием чистого разума; следовательно, нужно рассмотреть его указанным способом. Тогда в отношении этого понятия обнаруживается, что оно становится необходимым в силу того, что разумное существо не может полагать себя с самосознанием как таковое, не полагая себя как индивидуум, как одно среди многих разумных существ, которые оно допускает вне себя, как только оно допускает само себя» [7, с. 12].

Такую возможность И.Г.Фихте получает посредством систематического анализа деятельности рефлексивного мышления, когда «мысленно представляют всякого члена общества ограничивающим своей внутренней свободой свою внешнюю свободу так, чтобы все другие рядом с ним также

могли быть во внешнем отношении свободны» [7, с. 13]. На этой основе он выдвигает и свое определение объекта права, который он трактует как «общность между свободными существами как таковыми» [7, с. 13].

Субъектами права в таком случае оказываются индивиды, отвечающие двум условиям: они являются внутренне свободными, или, другими словами, содержат в себе начало свободы в качестве своей сущности; а также индивиды как субъекты права должны пониматься в качестве внешних друг для друга субъектов. Все остальное чувственное содержание, относящееся к различным возможным характеристикам людей, должно быть абстрагировано от их простого определения как свободных существ. Здесь самого по себе признания иного субъекта равным мне и свободным существом достаточно, чтобы отношения с ним обрели характер правовых отношений. Но это признание является и необходимым условием права: «индивидуум не может действовать на меня описанным образом, если он, по крайней мере проблематически, не признал меня; и я не могу полагать его действующим таким образом, не полагая этого» [7, с. 45–46].

Таким образом, понятие права для И.Г.Фихте – это лишь определенная модификация чистого мышления, способ оценивать вещи необходимым для разумного существа образом [7, с. 51]. Эта мысль – неотъемлемое качество способа мышления, к которой неизбежно приходит всякий разумный свободный индивид. И именно эту мысль И.Г.Фихте предлагает соотносить с понятием права [7, с. 51]. Однако абстрактное право для него – это лишь начальная ступень последовательного развития права. Развитая форма права должна, также, проявить заключающийся в нем принцип всеобщности, который как раз и обуславливает необходимость и возможность взаимного отношения индивидом как субъектов свободы.

Эта всеобщность обнаруживает себя как нечто третье по отношению к двум субъектам права, которому оба они должны, безусловно, подчинить свою физическую силу и все свои права. Это третье, в концепции И.Г. Фихте, есть закон [7, с. 92]. Там, где закон отсутствует, правоотношение, конечно же, возможно, но оно может быть обеспечено только «взаимной верностью и верой» [7, с. 124], т.е. чисто моральными началами, что чуждо природе правоотношений и свидетельствует об их незрелости и недостаточной развитости.

Действие закона, наоборот, соразмерно правовым отношениям, т.к. вытесняет моральное опосредование действием внешнего принуждения, столь же формального по отношению к личности, как и сами ее отношения к другой личности в системе права [13, с. 8–12].

Но закон, в свою очередь, должен иметь принудительную силу [7, с. 123–132]. «Право должно быть, возможно, добиться принуждением, даже если бы ни у одного человека не было доброй воли; и наука права стремится именно к тому, чтобы начертать такой порядок вещей. Санкцию праву дает в этой области физическая сила, и только она» [7, с. 52]. При этом И.Г. Фихте оговаривает, что при применении права «каждый имеет притязания только на легальность другого, но отнюдь не на его моральность» [7, с. 125]. Такого рода принудительную силу закон получает от «изначальной воли общины, дающей себе некоторую конституцию» [7, с. 144].

Развитая и дифференцированная воля общины, внешне фиксируемая в законах и конституции, которую И.Г.Фихте определяет как своего рода «закон законов» [7, с. 153], выступает у него как государство, как выражение «воли права», в которой «синтетически объединяются» частная и общая воля [12, с. 151]. Таким образом, утверждение государства наряду с законами является в его политико-правовой теории следующим шагом на пути формирования внешних условий действия права.

В основе всей предпринятой мыслителем дедукции определений права и государства из начал рефлексирующего мышления у И.Г.Фихте лежат базовые определения чистой логики, из которых он выводит правовые принципы, по форме вполне соотносимые с тем, что Г. Харт обозначал как первичные и вторичные юридические правила. Правда, для того, чтобы эти правила могли стать правовыми нормами, их следует оформить посредством специального юридического языка [2, с. 45–55].

В целом можно сделать общий вывод о том, что даже если мы не найдем прямого влияния идей И.Г.Фихте на учение, возникшее спустя почти полтора столетия после его смерти, все же некоторые общие черты, определенные принадлежностью к единой традиции рефлексирующей методологии, позволяют, опираясь на фихтевский трансцендентализм, лучше понять методологию и язык аналитической юриспруденции, и наоборот. Это может позволить также лучше понять и оценить смысл опытов Г. Кельзена по реинтерпретации его неокантианской философии права в формах мышления, заданных аналитической методологией.

Библиографический список

1. История философии: Запад – Россия – Восток (книга четвертая: Философия XX в.). – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2000. – 448 с.
2. Касаткин С.Н. Проблемы спецификации юридического языка в учении Герберта Харта 1949 года // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 46–56.
3. Масленников Д.В., Ревнова М.Б., Сергеева А.Ю. Идея свободы в царстве абсолютного добра (к вопросу о философско-правовых основаниях суверенной правовой идеологии) // Юридическая мысль. 2019. № 4–5 (114–115). С. 25–32.
4. Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 4 (8). С. 81–88.
5. Оглезнев В.В. Ричард Рорти и лингвистический поворот в философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 203–211.
6. Прокофьев К.Г., Иванов Д.В. Теория принципов Рональда Дворкина – третий путь в теории права? // Юридическая мысль. 2021. № 4 (124). С. 104–113.
7. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. – М.: «Канон+», 2014. – 391 с.
8. Фихте, И.Г. Замкнутое торговое государство / И. Г. Фихте; переводчик Э.Э. Эссен. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 133 с. – (Антология мысли). – Текст: непосредственный.
9. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи / И.Г. Фихте; перевод с немецкого Л. М.; под редакцией Н.О. Лосского. – СПб.: Д. Е. Жуковский, 1906. – IV. 232 с.

10. *Фихте И.Г.* Теория государства, или об отношении изначального государства к царству разума (Die Theorie des Staates oder über das Verhältnis des Urstaates zum Reich der Vernunft). Berlin, 1820. XVI. 336 S. // https://books.google.ru/books?id=o0QZAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

11. *Фихте И.Г.* Система учения о нравах согласно принципам наукоучения. Наукоучение 1805 г. Наукоучение 1813 г. Наукоучение 1814 г. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 620 с.

12. Schrader W.H. Nation, Weltbürgertum und Syntesis der Geisterwelt // Fichte – Studien: Beitr. zur Geschichte u. Systematik der Transzendentalphilosophie. – Amsterdam.1990.Bd1. S. 147–162.

13. Zöllner G. Der Staat als Mittel zum Zweck: Fichte über Freiheit, Recht und Gesetz. Baden-Baden: Nomos, 2011. //URL: <https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/9783845232065/der-staat-als-mittel-zum-zweck?page=1>

Для цитирования: *Иванов Д.В.* Опыт трансцендентальной дедукции права И.Г. Фихте как предпосылка аналитической и феноменологической традиций философии права: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 3. – С. 8–13.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.130.2.008

The experience of transcendental deduction of law I.G. Fichte as a prerequisite for the analytical and phenomenological traditions of the philosophy of law

Denis V. Ivanov *

Annotation. Logic I.G. Fichte is one of the prerequisites for the theoretical basis of G. Hart's analytical jurisprudence, although it does not constitute its main premise. At the same time, the transcendental philosophy of law by I.G. Fichte and analytical jurisprudence are brought together by an interest in the problem of the subject of legal thinking, which he considers as the direct basis for the deduction of the concept and norms of law. The analysis of this point opens up prospects for building interdiscursive mental communication between analytical jurisprudence, neo-Kantianism, phenomenological and classical philosophy of law.

Key words: Fichte, Hart, law, personality, legal thinking, phenomenology, philosophy of law, analytical jurisprudence.

Strengthening the dynamics of socio-political processes at the turn of the 20th – 21st centuries, the crisis of the institution of the state in Western Europe, the loss of reliable mechanisms and guarantees for the implementation of international agreements reached, the increased competition of various legal

---

* *Ivanov Denis Vladimirovich* – Post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Principal Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). Email: lawinst-spb@mail.ru

Supervisor *Komarov Sergey Alexandrovich* – scientific supervisor of the PEI VO "Legal Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru.

systems – all this encourages the Russian state and society to search for a stable foundation for social legal relations, search for ways to update the principles of interaction between the individual, the state, institutions of civil society and law, work on the formation of a sovereign philosophy of law. This, in turn, actualizes in one form or another interest in the most significant political, legal and philosophical legal paradigms of our time and their theoretical origins [3, p. 25–31].

Of exceptional importance here is modern analytical jurisprudence – a theoretical trend of legal thought, at the origins of which was the famous English jurist Herbert Hart, "with whom analytical jurisprudence is often identified" [4, p. 82]. It is analytical jurisprudence that today is the most accurate and adequate form of explication of Anglo-Saxon legal thinking. In modern conditions of confrontation between our state and the countries of the "collective West", primarily related to the Anglo-Saxon world, it is important to correctly understand the nature of this thinking.

With regard to the analytic tradition, this means, first of all, the opportunity to reveal the ways of the relationship between logic and law that are characteristic of it. As is known, the logical foundations of the analytic tradition have been explored in the works of such scholars as Ludwig Wittgenstein, Rudolf Carnap, Kurt Gödel and Alfred Tarski. The works of well-known logicians of the first half of the 20th century also had a significant impact on the formation of the analytic tradition. Bertrand Russell and George Edward Moore, as well as the famous representative of the British philosophy of language, John Langshaw Austin.

At the same time, researchers also point to the influence of Edmund Husserl's egology, which is in many ways a kind of "reincarnation" of Johann Gottlieb Fichte's transcendentalism. Edmund Husserl is the founder of phenomenological methods in modern philosophy, which were perceived in the twentieth century mainly within the framework of the neo-Kantian tradition. A typical example here is the Russian jurist N.N. Alekseev, in whose work "Fundamentals of the Philosophy of Law" the first attempt was made to adapt the phenomenological methodology to neo-Kantian legal developments.

At the turn of the 20th – 21st centuries, the question of the semantic "dialogue" between analytical jurisprudence and the phenomenological philosophy of law, and even their direct convergence, began to be raised more and more often. In many ways, the impetus for this kind of evolution of Western philosophical and legal thought was given by the works of Ronald Dworkin [6, p. 104–113]. In order for this kind of "dialogue" of two philosophical and legal traditions to be productive, and, therefore, the possibility of mutual understanding of lawyers belonging to these traditions to become more real, it is necessary to more carefully consider the attitude towards law of those philosophers who formed the methodological foundations of both phenomenology and analytical jurisprudence. In this aspect, we should talk primarily about E. Husserl, but also about his historical forerunner – I.G. Fichte.

For analytical jurisprudence with its linguistic turn to the experience of language research [5, p. 203–210] as the foundations of legal thinking, it is of particular interest to identify the logical foundations of thinking (in contrast,

say, to modern versions of phenomenology, which, on the contrary, is more inclined to see logic rooted in the language). The essence of Frege's teaching as the basis of the methodology of analytical jurisprudence lies precisely in the fact that the laws of logic "express the nature of objective, timeless thoughts, and not human thinking, grasped in the laws of ordinary grammar" [1, p. 76]. This was precisely the path proposed by I.G. Fichte for the deduction of the fundamental principles of legal thinking: from the logic of pure thinking to the basic norms of law.

He owns several works devoted to philosophical and legal and directly political and legal issues: "A closed trading state" [8], "The main features of the modern era" [9], "The theory of the state or on the relationship of the original state to the kingdom of reason" [10], in part – "The system of the doctrine of morals according to the principles of science. Science of 1805. Science of 1813. Science of 1814" [11]. But the main work in which he carried out the task of interest to us in the above sense – the deduction of the concept of law and its norms from the logical principles of reason – was the treatise "The basis of natural law according to the principles of science" [7].

The method of such deduction for J.G. Fichte was transcendental reflection. The highest starting point, from which the scientist seeks to derive the entire content of legal thinking, is the unity of self-consciousness – the principle of "I" – in its identity with itself ("I = I"). This "I = I" implicitly contains the highest principle of logic "A = A", which is concretized as the law of identity. From the following principles, which are a kind of modification of "I = I", the author of "Fundamentals of General Science" abstracts the rest of the laws of logic.

Here it is important to keep in mind that the principle of "I" for I.G. Fichte is not an empty identity of self-consciousness, but an active principle, the unity of subjectivity and substantiality. As such, it is both the absolute beginning of the cognizing personality and its deepest inner content. This dialectical unity of substance and subject, absolute and individual, is therefore not an external object, but constitutes the content of the activity of the subject itself and is revealed in the act of reflection. This kind of reflexive methodology is in many ways consonant with the logical constructions of Wittgenstein, which, in turn, underlie the logical foundation of H. Hart's analytical jurisprudence.

In order to move from these abstract logical definitions to more specific legal principles, Fichte is required as a next step to prove, deduce, the plurality of the I, since law is precisely what determines the relationship between a multitude of subjects and, establishing formal equality between them, reduces them to an internal unity: "The concept of law must be the original concept of pure reason; therefore, it is necessary to consider it in the indicated way. It is then found, in relation to this concept, that it becomes necessary in virtue of the fact that a rational being cannot posit itself with self-consciousness as such without positing itself as an individual, as one among the many rational beings that it admits outside of itself, as soon as it admits itself" [7, p. 12].

I.G. Fichte gets this opportunity through a systematic analysis of the activity of reflective thinking, when "they mentally imagine every member of society limiting their outer freedom with their inner freedom so that all others next to him can also be externally free" [7, p. 13]. On this basis, he puts forward his

own definition of the object of law, which he interprets as “a community between free beings as such” [7, p. 13].

In this case, the subjects of law are individuals who meet two conditions: they are internally free, or, in other words, contain the beginning of freedom as their essence; as well as individuals as subjects of law should be understood as subjects external to each other. All other sensory content relating to the various possible characteristics of human beings must be abstracted from their simple definition as free beings. Here, in itself, the recognition of another subject as equal to me and a free being is enough for relations with him to acquire the character of legal relations. But this recognition is also a necessary condition of law: “an individual cannot act on me in the way described unless he, at least problematically, has recognized me; and I cannot suppose him to act in this way without assuming it” [7, p. 45–46].

Thus, the concept of law for I.G. Fichte is only a certain modification of pure thinking, a way to evaluate things in a way necessary for a rational being [7, p. 51]. This thought is an inalienable quality of the way of thinking, to which every rational free individual inevitably comes. And it is this idea that I.G. Fichte proposes to correlate with the concept of law [7, p. 51]. However, abstract law for him is only the initial stage of the consistent development of law. A developed form of law must also manifest the principle of universality contained in it, which just determines the necessity and possibility of mutual relations by the individual as subjects of freedom.

This universality reveals itself as something third in relation to the two subjects of law, to which both of them must unconditionally subordinate their physical strength and all their rights. This is the third, in the concept of I.G. Fichte; there is a law [7, p. 92]. Where there is no law, a legal relationship is, of course, possible, but it can only be ensured by “mutual fidelity and faith” [7, p. 124], i.e. purely moral principles, which is alien to the nature of legal relations and indicates their immaturity and insufficient development.

The action of the law, on the contrary, is proportionate to legal relations, since displaces moral mediation by the action of external coercion, which is as formal in relation to the individual as its very relations to another individual in the system of law [13, p. 8–12].

But the law, in turn, must have coercive force [7, p. 123–132]. “The right must be possible to obtain by coercion, even if not a single person had a good will; and the science of law strives precisely to outline such an order of things. Sanction to law is given in this area by physical force and only it” [7, p. 52]. At the same time, I.G. Fichte stipulates that when applying the law, “each has claims only to the legality of the other, but by no means to his morality” [7, p. 125]. The law receives this kind of coercive force from “the original will of the community, which gives itself a certain constitution” [7, p. 144].

The developed and differentiated will of the community, externally fixed in the laws and the constitution, which I.G. Fichte defines as a kind of “law of laws” [7, p. 153], he acts as a state, as an expression of the “will of law”, in which private and general will are “synthetically combined” [12, p. 151]. Thus, the approval of the state, along with laws, is in his political and legal theory the next step towards the formation of external conditions for the operation of law.

At the heart of the entire deduction of the definitions of law and the state undertaken by the thinker from the beginnings of reflexive thinking, J.G. Fichte is based on the basic definitions of pure logic, from which he derives legal principles that are in form quite comparable with what G. Hart designated as primary and secondary legal rules. True, in order for these rules to become legal norms, they should be formalized through a special legal language [2, p. 45–55].

In general, we can make a general conclusion that even if we do not find a direct influence of the ideas of J.G. Fichte on the doctrine that arose almost a century and a half after his death, nevertheless, some common features, determined by belonging to a single tradition of reflective methodology, allow, relying on Fichte's transcendentalism, better understand the methodology and language of analytical jurisprudence, and vice versa. This may also make it possible to better understand and evaluate the meaning of G. Kelsen's experiments in reinterpreting his neo-Kantian philosophy of law in the forms of thinking specified by analytical methodology.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. History of philosophy: West – Russia – East (book four: Philosophy of the twentieth century). Moscow: "Greco-Latin cabinet" Yu.A. Shichalina, 2000. 448 p.
2. Kasatkin S.N. Problems of specification of the legal language in the teachings of Herbert Hart in 1949 // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2017. No. 37. P. 46–56.
3. Maslennikov D.V., Revnova M.B., Sergeeva A.Yu. The idea of freedom in the realm of absolute goodness (to the question of the philosophical and legal foundations of sovereign legal ideology) // Legal Thought. 2019. No. 4–5 (114–115). pp. 25–32.
4. Ogleznev V.V. The origins of modern analytical philosophy of law // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2009. No. 4 (8). Pp. 81–88.
5. Ogleznev V.V. Richard Rorty and the Linguistic Turn in Philosophy // Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science. 2022. No. 69. P. 203–211.
6. Prokofiev K.G., Ivanov D.V. Ronald Dworkin's theory of principles – the third way in the theory of law? // Legal thought. 2021. No. 4 (124). Pp. 104–113.
7. Fichte I.G. The basis of natural law according to the principles of science. Moscow: Kanon+, 2014. 391 p.
8. Fichte, I.G. Closed trading state / I. G. Fichte; translator E.E. Essen. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 133 p. (Anthology of thought). Text: immediate.
9. Fichte I.G. The main features of the modern era / I.G. Fichte; translation from German by L. M.; edited by N.O. Lossky. St. Petersburg: D. E. Zhukovsky, 1906. IV. 232 p.
10. Fichte I.G. The Theory of the State, or on the Relation of the Primordial State to the Realm of Reason Berlin, 1820. XVI. 336 p. // https://books.google.ru/books?id=o0QZAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

11. Fichte I.G. The system of the doctrine of morals according to the principles of science. Science education 1805 Science education 1813 Science education 1814 St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2006. 620 p.

12. Schrader W.H. Nation, Weltbürgertum und Syntesis der Geisterwelt // Fichte – Studien: Beitr. zur Geschichte u. Systematik der Traszentalphilosophie.- Amsterdam.1990.Bd1. P. 147–162.

13. Zöllner G. Der Staat als Mittel zum Zweck: Fichte über Freiheit, Recht und Gesetz. Baden-Baden: Nomos, 2011 //URL: <https://www.nomos-elibrary.de/10.5771/9783845232065/der-staat-als-mittel-zum-zweck?page=1>

For citation: Ivanov D.V. The experience of transcendental deduction of law I.G. Fichte as a prerequisite for the analytical and phenomenological traditions of the philosophy of law: an article // Legal Thought. 2022. No. 3. P. 13–18.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.130.2.008

Научная статья

УДК 343.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.130.2.019

Правовая инфильтрация идеи о достоинстве человека в Декларации о правах и свободах человека и гражданина*

Е.С.Ч. Ковальски**

С.А. Комаров***

Аннотация. В статье авторы рассматривают место и роль Декларации о правах и свободах человека и гражданина, в которой имеется категория «достоинство человека» в системе российского и европейского законодательства в историко-правовом аспекте. На примерах ряда стран Европы проанализирован переход от концепции юридического позитивизма к идее естественно-юридического понимания прав и свобод человека.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституция Республики Польша, Декларация прав и свобод человека и гражданина, Всеобщая Декларация прав человека, Международные пакты о правах человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, европейские стандарты в области права человека.

Конституционно-правовое закрепление эффективных средств защиты прав и законных интересов человека, личности, гражданина являются важнейшими характеристиками современных демократических государств. В России, как и во всех правовых государствах сегодняшнего мирового сообщества, исходным условием успешной реализации вышеуказанного становится обеспечение регулирования и защиты этих прав в контексте увязки конституционно-правовых основ с общепризнанными стандартами международного и европейского права, вырабатываемыми в рамках деятельности Совета Европы [23, с. 4].

В истории российского конституционализма особенным переломным моментом является постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября

---

* Данная статья является данью памяти моему соавтору, который, к сожалению, уже не увидит ее опубликованной.

** Ковальски Ежи Сергей Чеславович – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой российского права Высшей школы торговли и права им. Р.Лазарского (г. Варшава, Республика Польша).

*** Комаров Сергей Александрович, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Уфимского университета науки и технологий, президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru; //http://orcid.org/0000-0002-0425-0897

1991 года о принятии Декларации прав и свобод человека и гражданина, проект которой представил Президент РСФСР [18].

Декларация прав и свобод человека и гражданина заняла особое место в системе российского законодательства, знаменуя радикальный поворот в осознании прав и свобод человека и гражданина, осуществив переход от концепции юридического позитивизма к идее естественно-юридического понимания прав человека.

Не вдаваясь в подробности теоретического обоснования содержания юридического позитивизма, которое широко известно в мировой юридической литературе, отметим только центральную идею – в нормативном виде провозглашено, что единственное право это право санкционированное через государство, каждое предписание законодателя в соответствии с формальными требованиями, независимо от своего содержания, есть обязывающее право. Позитивисты видят в праве общеобязательность, формальную определенность, нормативность, принудительность. *«Принудительность и формальная корректность»* – в этом позитивисты видят сущность права и его отличие от морали. Например, библейская заповедь «не прелюбодействуй» – это моральный запрет; но если он будет выражен в форме закона, принятого в рамках особой процедуры, и подкреплен принудительной силой государства, то, с точки зрения позитивистов, он превратится в «правовой запрет» [32, с. 4–5]. В случае противоречий между нормами права и нормами морали, в государственно-организованном обществе преимущество имеют нормы права. Правовые нормы обязательны для всех, независимо от моральных убеждений каждого отдельного человека. Если этих убеждений оказывается недостаточно, чтобы обеспечить соблюдение закона, государственные органы вправе, и обязаны применять все необходимые меры принуждения к тем, кто поступает вопреки правовым требованиям.

Принципиально важно то, что концепция юридического позитивизма отрицает тезис о естественном существовании врождённых прав человека, трактуя их только как выражение в виде норм государства. Личности принадлежат права не как человеку, а как гражданину данного государства. Такая позиция является основанием для повсеместного юридического регулирования прав и свобод человека, создавая тем самым обоснование для государственного интервенционизма, когда предпочтение отдается государству, обладающему суверенитетом.

Эта доктрина была в советском законодательстве абсолютизирована и доведена до крайности, ибо отражала идею подчинения личности интересам государства, народа, класса. Такого рода аксиологические основы (в этом случае выведенные из марксистской теории исторического материализма) помещают политическую практику, опирающуюся на иерархизацию человеческих ценностей и на принудительное подчинение интересов личностей внешним авторитетам, неподатливым или выключенным из общественной верификации. Отрицая принцип независимого развития индивидуальной личности и ее индивидуальности, автономный статус человека соотносят с личностью искусственно, противопоставляя ее государству, которое является полным собственником всех прав человека.

Российская Декларация прав и свободы человека и гражданина опирается на исторический источник такого рода документов – на Американскую Декларацию прав и свобод человека 1948 года [4] и Французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 года [6] и на поправки (Bill of Rights) 1791 года [24] в американскую конституцию [35], совершает своего рода «реабилитацию» естественно-правовой концепции прав человека, до сих пор в российском законодательстве отрицаемой. Введение такого понятия позволяет реальнее оценивать уровень и качество социального развития общества.

Проблема взаимодействия прав человека и прав гражданина до сих пор остается малоисследованной, так как при такой постановке вопроса личность выступает и как субъект прав человека, и как субъект прав гражданина. Современное осмысление значения соблюдения прав человека приобретает не только теоретическую, но и практическую ценность.

В этом смысле желание построить правовое государство в России связывается с признанием на государственном уровне интересов, потребностей каждого гражданина на нормальное существование и развитие. Это создало условия закрепления данных требований в законодательном порядке в таких документах, как Декларация о государственном суверенитете РСФСР [8], Декларация прав и свобод человека и гражданина [18], в Конституции РФ 1993 г. [1; 22]. Таким образом, в качестве основной цели правового регулирования соблюдение прав человека выступает как первичная, главная ценность современного общества.

В условиях развития межгосударственных отношений, экономических связей и коммуникационных систем создаются более эффективные возможности совершенствования не только норм международного права, но и успешного осуществления внутригосударственных правовых реформ. Права человека как общепризнанный международный правовой стандарт в определенных, благоприятных для них условиях могут становиться в государстве формально-юридическим источником правовой нормы, не только провозглашаемой, но и реализуемой на практике.

На категориальном уровне права человека выступают объективным фактом, как признание ценности личности во всех регулируемых правом и моралью сферах общественной жизни, где в каждой личности как субъекте права признается, прежде всего, ценность человека вообще, что становится самостоятельным, ведущим началом формирования и функционирования правовой системы современного демократического правового государства.

Это состояние подтверждается положениями ряда современных учебников конституционного права России, монографий, статей, в которых права человека признаются неизмеримой ценностью, признанной всеми цивилизованными странами, а охрана прав человека становится основным критерием оценки деятельности государства и его органов и принятых ими законов [25, с. 110].

Рассматривая историю формирования прав и свобод человека и гражданина в XVIII столетии, сопрягая их с концепциями общественного договора, разделения властей, правового государства, гражданского общества

(а это основные элементы либеральной концепции прав человека в русле либеральной политическо-юридической доктрины), в российской юридической литературе эти идеи стали доминирующими в обсуждаемой сфере [21, с. 78; 24, с. 62–63; 26; 30]. «Она характеризуется общим понятием прав и свобод человека, проблематикой генерации прав, акцентированием внимания на особый процесс «универсализации прав и свободы человека» в современном мире, делается акцент на вопросе международных «стандартов» в сфере прав человека и в связи с тем упоминается об основных актах принятых международным сообществом.

Но нет упоминаний о либеральной концепции прав человека, но при этом обращается внимание на то, что в условиях советской государственности права человека, хотя и получили юридическое признание, но многие из них не были наполнены реальным содержанием, преимущество прав коллектива по сравнению с индивидуальными правами было очевидным фактом. В истории России были периоды чрезвычайного законодательства и антиконституционной практики массовых репрессий, причем против целых народов. Авторитарно-бюрократическая политическая система этого периода вводила ограничения политических и личных прав человека. Теория естественных прав человека была категорически отброшена, примечательностью советского конституционного законодательства в сфере прав человека и гражданина до принятия Конституции Русской Федерации в 1993 году было в отрицании законодателя международных стандартов, не учете в полном объеме положений Всеобщей Декларации прав человека [5] и Международных пактов о правах человека [7; 9; 25, с. 110].

Рассмотрим категорию «достоинство личности» в системе прав и свобод человека и гражданина применительно к Конституции РФ. Как можно сделать вывод на основании изученной юридической литературы, этот вопрос рассматривается в большей степени в контексте международных всеми признанных цивилизационных стандартов, чем в контексте естественно-правовой сущности этих прав [33].

Например, в ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации говорится о достоинстве личности: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления», а во второй части зафиксировано, что «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» [1; 22]. Декларация прав и свобод человека и гражданина, предшествующая по времени принятию Конституции РФ, в ч. 4 ст. 8 закрепляет положение о том, что «Никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без его добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Тем самым можно утверждать, что это норма ст. 8 почти полностью воспроизводится в будущем как конституционная норма [18].

Речь в Декларации прав и свобод человека и гражданина о достоинстве как высшей ценности общества и государства идет в ее преамбуле,

в конституциях современных государств эта категория расположена также в разделах, главах посвящённых свободам и правам человека.

Так, например, в Конституции Республики Польша вопросы достоинства человека содержатся в ст. 30 в самом начале раздела II «Свободы, права и обязанности человека и гражданина» в группе статей озаглавленной «Общие принципы»: «Естественное и неотъемлемое достоинство человека образует источник свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и охрана являются обязанностью публичных властей». О естественной природе достоинства человека говорится также в преамбуле Конституции [3].

В Основном законе Федеративной Республики Германии в ст. 1 определяется, что «Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всякой государственной власти» [19]. Здесь можно увидеть определенную идентичность содержания конституционных формулировок РФ и ФРГ.

Похожее положение содержится в ст. 2 Конституции Греции: «Уважение и защита достоинства человека является первоочередной обязанностью государства» [12].

Аналогичная формулировка как в Декларации содержится в ст. 7 Конституции Финляндии: «Никто не может быть приговорен к смертной казни, пыткам или подвергаться какому-либо иному воздействию, унижающему человеческое достоинство» [15].

Конституция Албании в ст. 3 достоинство человека, его права и свободу рассматривает среди других ценностей как основу государства, их уважение и охрана – есть его долг [10].

Согласно ст. 4 Конституции Республика Болгария гарантирует каждому гражданину жизнь, достоинство и права личности и создает условия для свободного развития человека и гражданского общества, причем ст. 32 закрепляет положение о том, что личная жизнь граждан неприкосновенна. Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в личную и семейную его жизнь и против посягательства на его честь, достоинство и доброе имя [11].

В Чехии неотъемлемой частью ее Конституции является Хартия основных прав и свобод Чехии (Чешской Республики) от 9 января 1991 г., в которой закреплено положение о том, что «Каждый имеет право на уважение своего человеческого достоинства, личной чести, доброй репутации и на охрану имени» [16].

В Швеции ст. 2 констатирует, что «Государственная власть должна осуществляться с уважением к достоинству всех людей вообще и к свободе и достоинству каждого человека» [17].

Конституция Италии в ст. 3 устанавливает конституционное положение о том, что «Все граждане имеют одинаковое общественное достоинство и равны перед законом без различия пола, расы, языка, религий, политических убеждений, личного и социального положения. Задача Республики – устранять препятствия экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны» [13].

Особая позиция отражена в Конституции Словении, так как в ст. 21 защита человеческой личности и достоинства рассматривается с точки зрения процессуального права: «Гарантируется уважение человеческой личности и достоинства при осуществлении следственных действий и других юридических процедур, а также в момент лишения свободы и при исполнении наказания. Запрещается любое насилие над лицами, свобода которых в какой-либо мере ограничена, а также любое принуждение их к признаниям и заявлениям» [14]. Здесь явно прослеживается заимствование из ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года [9].

Формулировка категории «достоинство человека» в ст. 30 Конституции Республики Польша на фоне других конституций даётся более богато и содержательно: «Естественное и неотъемлемое достоинство человека образует источник свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и охрана являются обязанностью публичных властей» [3].

В таком контексте выделено естественное право и установлены определённые основные черты категории достоинства: прирождённость, неотчуждаемость, нерушимость и долг органов государственной власти уважать достоинство человека.

Следует констатировать, что закрепление категории достоинство человека в Конституции Российской Федерации есть отражение общей для европейских конституций тенденцией, суть которой в обеспечении и охране его со стороны государства.

Среди отмеченных выше конституций, только в трёх из них категория достоинство человека выступает как самостоятельное явление: в Конституциях Российской Федерации, Федеративной Республики Германии и Польской Республики. В других случаях она связана с другими правами человека.

В российской юридической литературе категорию достоинства человека включают в перечень основных прав и свобод человека, исходя из ее естественно-юридического содержания. В характеристике этой категории – «достоинство человека» подчёркивается, что это неразрывная часть (в понимании – собственность) человека, так как сама жизнь, право на сохранение достоинства есть абсолютное право и его нельзя каким-либо образом ограничить, ничто не может быть основанием для умаления этого права. Эта позиция отражается в решениях конституционных судов ряда стран, где отмечается, что, защищая достоинство человека, государство обязано обеспечить его как право каждого человека, которое нарушено вследствие поступка (даже преступного), судебной защитой. В целом можно сказать, что обеспечение, например, Конституционным Судом Российской Федерации прав человека и гражданина вообще, личных, политических и социальных прав – в особенности, достаточно убедительное [31].

Обеспечение достоинства человека стало своего рода нормой в судопроизводстве не только Конституционного Суда в России, но и конституционных судов в других странах, что особенно характерно для немецкого Конституционного Трибунала, который при принятии ряда своих решений исходит из этого принципа. Как считает М. Сафьян, эта позиция проявляется при принятии решений относительно смертной казни, прерывания

беременности, проведения различных медицинских экспериментов, применяемых воспитательных мер, телесных наказаний, условий содержания при лишении свободы, иных доказательных мер, таких как подслушивание [29].

Проблематика достоинства присутствует также в судопроизводстве польского Конституционного Трибунала: в отношении любого человека государство обязано создать условия для реализации его прав в силу непередающегося, врождённого достоинства человека [27, с. 27]; полиция обязана в своих действиях соблюдать достоинство граждан, а также охранять права человека [28, с. 18].

Защита достоинства человека, личности, гражданина наряду с жизнью и здоровьем, личной неприкосновенностью, честью и добрым именем, деловой репутацией, неприкосновенностью частной жизни, неприкосновенностью жилища, личной и семейной тайной, свободой передвижения, свободой выбора места пребывания и жительства, именем гражданина, авторством, иными нематериальными благами, которые принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом, закреплена в ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Кстати, в Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации» в ст. 43 закреплено право граждан или организаций потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации [20].

Таким образом, присоединяемся к мнению В.Н. Корнева о том, что «достоинство человека – это базовая этико-правовая ценность, которая занимает в иерархии ценностей ведущее, определяющее место, поскольку достоинство человека лежит в основе иных правовых ценностей. Для такого вывода, как представляется, имеется достаточно философско-правовых, теоретических и юридических предпосылок» [23, с. 8].

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // www.consultant.ru
3. Конституция Республики Польша // <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>
4. Американская Декларация прав и свобод человека 1948 года (American Declaration of the Rights and Duties of Man (hereinafter "the American Declaration") (Боготская Декларация) // <http://www.cidh.org/basicos/english/Basic1.%20Intro.htm>
5. "Всеобщая декларация прав человека" (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // www.consultant.ru
6. Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Документы истории Великой французской революции. Т.1. // Отв.ред. А.В.Адо. – М.: Изд-во Московского университета, 1990.

7. "Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с "Протоколом [№ 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом № 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // www.consultant.ru

8. Декларация СНГ РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 "О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики" // www.consultant.ru

9. "Международный пакт о гражданских и политических правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // <https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966-ograzhdanskikh-i/www.consultant.ru>

10. Конституция Албании 1998 года // <https://worldconstitutions.ru/?p=104>

11. Конституция Республики Болгария 1991 года // <http://parliament.am/library/sahmanadrutyunner/bulgaria.pdf>

12. Конституция Греции 1975 г. // <https://rua.gr/law/others/3176-konstitucziya-greczii.html> // www.consultant.ru

13. Конституция Итальянской Республики // <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf>

14. Конституция Словении (Республики Словения) 1993 года // <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-словении>

15. Конституция Финляндии (Финляндской Республики) // <https://legalns.com/download/books/cons/finland.pdf>

16. Конституция Чехии (Чешской Республики) // https://legalns.com/download/books/cons/czech_republic.pdf

17. Конституция Швеции (Королевства Швеция) // <https://legalns.com/download/books/cons/sweden.pdf>

18. Постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // www.consultant.ru

19. Основной закон Федеративной Республики Германии // <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>

20. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации» // www.consultant.ru

21. *Верушевски Г.* Принцип равенства и недискриминации / В сб.: Права человека. Юридическая модель / Под. ред. Г. Верушевски. – Варшава-Краков, 1991. – С. 78.

22. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

23. *Корнев В.Н.* Достоинство человека и право: статья // Правосудие/ Justice. – 2020. – Т. 2. – № 4. – С. 8–13.

24. *Михаловска Г.* Охрана прав человека в Совете Европы и в Европейском Союзе. – Варшава, 2007. – С. 62–63.

25. *Постников А. Е.* Конституционное право России: учебник / [А. Е. Постников и др.]; под ред. А. Е. Постникова. – М.: Проспект, 2007. – 498 с.

26. Права человека / Под ред. Е.А.Лукашевой. – М.: Изд-во «Норма», 2003. – 573 с.

27. Постановление Конституционного Трибунала Республики Польша № ТК 7/92ОТК1993, ч. II, стр. 27. <http://otk.trybunal.gov.pl/orzeczenia/>

28. Постановление Конституционного Трибунала Республики Польша № ТК W8/93ОТК1994, ч. II, стр. 18. <http://otk.trybunal.gov.pl/orzeczenia/>
29. Сафьян М. Ключи конституционной аксиологии. – Варшава: Республика, 2001.
30. Свободы и права человека в Конституции РП /Под. ред. М. Хмай. – Варшава-Краков: Закамьче, 2006. – С. 54.
31. Соколевич В. Конституционные Суды в Европе /Под ред. Й. Тжцински. – Варшава: Конституционный Трибунал, 2000. – Т. 4.
32. Четвернин В. А. Понятия права и государства. – М., 1997. – С. 4–5.
33. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном праве Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2005. – 576 с.
34. Bill of Rights (1791) // <https://www.archives.gov/milestone-documents/bill-of-rights>
35. Constitution of the United States // <https://constitution.congress.gov/constitution/>

Для цитирования: Комаров С.А., Ковальский Е.С.Ч. Правовая инфильтрация идеи о достоинстве человека в Декларации о правах и свободах человека и гражданина: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 19–27.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.130.2.019

Legal infiltration of the idea of human dignity in the Declaration on the Rights and Freedoms of Man and Citizen *

Jerzy Sergei Ch. Kowalski **
Sergey A. Komarov ***

Annotation. In the article, the authors consider the place and role of the Declaration on the Rights and Freedoms of Man and Citizen, in which there is a category of "human dignity" in the system of Russian and European legislation in the historical and legal aspect. On the examples of a number of European countries, the transition from the concept of legal positivism to the idea of a natural-legal understanding of human rights and freedoms is analyzed.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitution of the Republic of Poland, Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen, Universal Declaration of Human Rights, International Covenants on Human Rights, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European standards in the field of human rights.

---

* **This article is a tribute to the memory of my co-author, my friend, who, unfortunately, will no longer see it published.**

** **Jerzy Kowalski Sergei Cheslavovich** – Doctor of Political Sciences, Candidate of Law Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Law, Higher School of Trade and Law. R. Lazarsky (Warsaw, Republic of Poland).

*** **Komarov Sergey Alexandrovich**, Scientific Supervisor of the Legal Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ufa University of Science and Technology, President of the Interregional Association of State Theorists of AI Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: matgip2017@yandex.ru; // <http://orcid.org/0000-0002-0425-0897>

The constitutional and legal consolidation of effective means of protecting the rights and legitimate interests of a person, personality and citizen are the most important characteristics of modern democratic states. In Russia, as in all the legal states of today's world community, the initial condition for the successful implementation of the above is to ensure the regulation and protection of these rights in the context of linking the constitutional and legal foundations with the generally recognized standards of international and European law developed within the framework of the activities of the Council of Europe [23, p. 4].

In the history of Russian constitutionalism, a special turning point is the resolution of the Supreme Council of the RSFSR of November 22, 1991 on the adoption of the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen, the draft of which was presented by the President of the RSFSR [18].

The Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen has taken a special place in the system of Russian legislation, marking a radical turn in the understanding of the rights and freedoms of man and citizen, having made the transition from the concept of legal positivism to the idea of a natural-legal understanding of human rights.

Without going into details of the theoretical substantiation of the content of legal positivism, which is widely known in the world legal literature, we note only the central idea – it is proclaimed in a normative form that the only right is the right sanctioned through the state, each prescription of the legislator in accordance with formal requirements, regardless of its content. , there is a binding right. Positivists see law as universally binding, formal certainty, normativity, coercion. "Coercion and formal correctness" – in this the positivists see the essence of law and its difference from morality. For example, the biblical commandment "do not commit adultery" is a moral prohibition; but if it is expressed in the form of a law adopted within the framework of a special procedure, and backed up by the coercive power of the state, then, from the point of view of the positivists, it will turn into a "legal prohibition" [32, p. 4–5]. In case of contradictions between the norms of law and norms of morality, in a state-organized society, the norms of law prevail. Legal norms are obligatory for all, regardless of the moral convictions of each individual. If these convictions are not enough to ensure compliance with the law, public authorities have the right, and the obligation to apply all necessary coercive measures to those who act contrary to legal requirements.

It is fundamentally important that the concept of legal positivism denies the thesis of the natural existence of innate human rights, interpreting them only as an expression in the form of state norms. Individuals have rights not as a person, but as a citizen of a given state. This position is the basis for the widespread legal regulation of human rights and freedoms, thereby creating a justification for state interventionism, when preference is given to a state with sovereignty.

This doctrine was absolutized and taken to extremes in Soviet legislation, because it reflected the idea of subordinating the individual to the interests of the state, people, and class. Such axiological foundations (in this case derived from the Marxist theory of historical materialism) place a political practice based on the hierarchization of human values and on the forced subordination

of the interests of individuals to external authorities that are unyielding or excluded from public verification. Denying the principle of independent development of an individual personality and its individuality, the autonomous status of a person is artificially correlated with a person, opposing it to the state, which is the full owner of all human rights.

The Russian Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen is based on the historical source of such documents – the American Declaration of the Rights and Freedoms of Man of 1776 [4] and the French Declaration of the Rights of Man and Citizen of 1789 [6] and on the amendments (Bill of Rights) of 1791 [24] into the American Constitution [35], performs a kind of “rehabilitation” of the natural law concept of human rights, which is still denied in Russian legislation. The introduction of such a concept makes it possible to more realistically assess the level and quality of the social development of society.

The problem of the interaction of human rights and the rights of a citizen is still little explored, since with such a formulation of the question, the person acts both as a subject of human rights and as a subject of citizen's rights. Modern understanding of the importance of observing human rights acquires not only theoretical, but also practical value.

In this sense, the desire to build a rule of law state in Russia is associated with the recognition at the state level of the interests and needs of every citizen for a normal existence and development. This created the conditions for enshrining these requirements in the legislative order in such documents as the Declaration on State Sovereignty of the RSFSR [8], the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen [18], in the Constitution of the Russian Federation of 1993 [1; 22]. Thus, as the main goal of legal regulation, the observance of human rights acts as the primary, main value of modern society.

In the context of the development of interstate relations, economic ties and communication systems, more effective opportunities are created for improving not only the norms of international law, but also the successful implementation of domestic legal reforms. Human rights as a universally recognized international legal standard, under certain favorable conditions for them, can become a formal legal source of a legal norm in the state, not only proclaimed, but also implemented in practice.

At the categorical level, human rights act as an objective fact, as recognition of the value of a person in all spheres of public life regulated by law and morality, where in each person as a subject of law, first of all, the value of a person in general is recognized, which becomes an independent, leading beginning scrap of the formation and functioning of the legal system of a modern democratic legal state.

This state is confirmed by the provisions of a number of modern textbooks of the constitutional law of Russia, monographs, articles in which human rights are recognized as an immeasurable value recognized by all civilized countries, and the protection of human rights becomes the main criterion for assessing the activities of the state and its bodies and the laws adopted by them [25, p. 110].

Considering the history of the formation of human and civil rights and freedoms in the 18th century, matching them with the concepts of a social con-

tract, separation of powers, the rule of law, civil society (and these are the main elements of the liberal concept of human rights in line with the liberal political and legal doctrine), in Russian legal literature these ideas have become dominant in the area under discussion [21, p. 78; 24, p. 62–63; 26; thirty]. “It is characterized by the general concept of human rights and freedoms, the issue of generating rights, focusing on the special process of “universalization of human rights and freedoms” in the modern world, focuses on the issue of international “standards” in the field of human rights and, in connection with this, mentions the main acts adopted by the international community.

But there is no mention of the liberal concept of human rights, but at the same time, attention is drawn to the fact that in the conditions of Soviet statehood, human rights, although they received legal recognition, many of them were not filled with real content; the advantage of collective rights compared to individual rights was obvious fact. In the history of Russia there have been periods of emergency legislation and the unconstitutional practice of mass repression, and against entire peoples. The authoritarian-bureaucratic political system of this period introduced restrictions on political and personal human rights. The theory of natural human rights was categorically rejected, the notability of the Soviet constitutional legislation in the field of human and civil rights before the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993 was in the negation of the legislator of international standards, not taking into account in full the provisions of the Universal Declaration of Human Rights [5] and the International Covenants on human rights [7; 9; 25, p. 110].

Consider the category of "personal dignity" in the system of human and civil rights and freedoms in relation to the Constitution of the Russian Federation. As can be concluded on the basis of the studied legal literature, this issue is considered to a greater extent in the context of internationally recognized civilizational standards than in the context of the natural legal essence of these rights [33].

For example, in part 1 of Art. Article 21 of the Constitution of the Russian Federation refers to the dignity of the individual: “The dignity of the individual is protected by the state. Nothing can be the basis for his derogation”, and in the second part it is stated that “No one shall be subjected to torture, violence, other cruel or degrading treatment or punishment. No one can be subjected to medical, scientific or other experiments without voluntary consent” [1; 22]. Declaration of the rights and freedoms of man and citizen, preceding in time the adoption of the Constitution of the Russian Federation, in Part 4 of Art. 8 enshrines the provision that “No one may be subjected to torture, violence, other cruel or degrading treatment or punishment. No one can be subjected to medical, scientific or other experiments without his voluntary consent. Thus, it can be argued that this is the norm of Art. 8 is almost completely reproduced in the future as a constitutional norm [18].

The Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen talks about dignity as the highest value of society and the state in its preamble, in the constitutions of modern states this category is also located in sections, chapters devoted to freedoms and human rights.

For example, in the Constitution of the Republic of Poland, issues of human dignity are contained in Art. 30 at the very beginning of Section II "Freedoms, Rights and Duties of Man and Citizen" in the group of articles entitled "General Principles": "The natural and inalienable dignity of man forms the source of freedoms and rights of man and citizen. It is indestructible, and its respect and protection is the duty of the public authorities." The natural nature of human dignity is also mentioned in the preamble of the Constitution [3].

In the Basic Law of the Federal Republic of Germany, art. 1 states that "Human dignity is inviolable. To respect and protect it is the duty of every state power" [19]. Here you can see a certain identity of the content of the constitutional formulations of the Russian Federation and Germany.

A similar provision is found in Art. 2 of the Greek Constitution: "Respect and protection of human dignity is the primary duty of the state" [12].

Similar wording as in the Declaration is contained in Art. 7 of the Constitution of Finland: "No one can be sentenced to death, torture or be subjected to any other influence that degrades human dignity" [15].

The Albanian Constitution in Art. 3 considers the dignity of a person, his rights and freedom, among other values, as the basis of the state, their respect and protection is his duty [10].

According to Art. 4 of the Constitution of the Republic of Bulgaria guarantees every citizen the life, dignity and rights of the individual and creates conditions for the free development of man and civil society, and art. 32 enshrines the provision that the private life of citizens is inviolable. Everyone has the right to be protected from unlawful interference in his personal and family life and against encroachment on his honor, dignity and good name [11].

In the Czech Republic, an integral part of its Constitution is the Charter of Fundamental Rights and Freedoms of the Czech Republic (Czech Republic) dated January 9, 1991, which enshrines the provision that "Everyone has the right to respect for his human dignity, personal honor, good reputation and protection name" [16].

In Sweden Art. 2 states that "State power must be exercised with respect for the dignity of all people in general and for the freedom and dignity of every person" [17].

The Italian Constitution in Art. 3 establishes a constitutional provision that "All citizens have the same social dignity and are equal before the law without distinction of sex, race, language, religion, political opinion, personal or social status. The task of the Republic is to remove the obstacles of the economic and social order, which, in fact, limiting the freedom and equality of citizens, hinder the full development of the human personality and the effective participation of all working people in the political, economic and social organization of the country" [13].

A special position is reflected in the Constitution of Slovenia, as Art. 21 the protection of the human person and dignity is considered from the point of view of procedural law: "Respect for the human person and dignity is guaranteed in the implementation of investigative actions and other legal procedures, as well as at the time of deprivation of liberty and in the execution of punish-

ment. Any violence against persons whose freedom is in any way restricted, as well as any coercion of them to confessions and statements is prohibited" [14]. There is clearly a borrowing from Art. 10 of the International Covenant on Civil and Political Rights adopted by the UN General Assembly on December 16, 1966 [9].

The wording of the category "human dignity" in Art. 30 of the Constitution of the Republic of Poland, against the background of other constitutions, is given more richly and meaningfully: "The natural and inalienable dignity of a person forms the source of freedoms and rights of man and citizen. It is indestructible, and its respect and protection are the responsibility of the public authorities" [3].

In this context, natural law is singled out and certain basic features of the category of dignity are established: innateness, inalienability, inviolability and the duty of public authorities to respect the dignity of a person.

It should be stated that the consolidation of the category of human dignity in the Constitution of the Russian Federation is a reflection of a common trend for European constitutions, the essence of which is to ensure and protect it from the state.

Among the constitutions noted above, only in three of them the category of human dignity appears as an independent phenomenon: in the Constitutions of the Russian Federation, the Federal Republic of Germany and the Republic of Poland. In other cases, it is linked to other human rights.

In Russian legal literature, the category of human dignity is included in the list of fundamental human rights and freedoms, based on its natural legal content. In the description of this category – "human dignity", it is emphasized that this is an inseparable part (in the understanding – property) of a person, since life itself, the right to preserve dignity is an absolute right and cannot be limited in any way, nothing can be the basis for derogation of this right. This position is reflected in the decisions of the constitutional courts of a number of countries, where it is noted that, while protecting the dignity of a person, the state is obliged to ensure it, as the right of every person that is violated as a result of an act (even a criminal one), by judicial protection. In general, it can be said that the provision, for example, by the Constitutional Court of the Russian Federation of human and civil rights in general, personal, political and social rights, in particular, is quite convincing [31].

Ensuring the dignity of a person has become a kind of norm in the proceedings not only of the Constitutional Court in Russia, but also of constitutional courts in other countries, which is especially characteristic of the German Constitutional Tribunal, which, when making a number of its decisions, proceeds from this principle. According to M. Safyan, this position is manifested when making decisions regarding the death penalty, termination of pregnancy, conducting various medical experiments, applied educational measures, corporal punishment, conditions of detention in prison, and other evidentiary measures, such as eavesdropping [29].

The issue of dignity is also present in the proceedings of the Polish Constitutional Tribunal: in relation to any person, the state is obliged to create conditions for the realization of his rights due to the non-transferable, innate

dignity of a person [27, p. 27]; The police are obliged in their actions to respect the dignity of citizens, as well as to protect human rights [28, p. 18].

Protection of the dignity of a person, personality, citizen, along with life and health, personal integrity, honor and good name, business reputation, privacy, inviolability of the home, personal and family secrets, freedom of movement, freedom to choose the place of stay and residence, the name of a citizen, authorship, other intangible benefits that belong to a citizen from birth or by virtue of law, are inalienable and non-transferable in any other way, is enshrined in Art. 150 of the Civil Code of the Russian Federation [2]. By the way, in the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on June 13, 2023) "On the Mass Media" in Art. 43 enshrined the right of citizens or organizations to demand from the editorial office a refutation of information that does not correspond to reality and discredits their honor and dignity, which was distributed in this mass media [20].

Thus, we join the opinion of V.N. Kornev that "human dignity is a basic ethical and legal value that occupies a leading, defining place in the hierarchy of values, since human dignity underlies other legal values. For such a conclusion, it seems there are enough philosophical and legal, theoretical and legal prerequisites" [23, p. 8].

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru
2. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on April 14, 2023, as amended on May 16, 2023) (as amended and supplemented, effective from April 28 .2023) // www.consultant.ru
3. The Constitution of the Republic of Poland // <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf>
4. American Declaration of the Rights and Duties of Man (hereinafter "the American Declaration") (Bogota Declaration) // <http://www.cidh.org/basicos/english/Basic1.%20Intro.htm>
5. "Universal Declaration of Human Rights" (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // www.consultant.ru
6. Declaration of the Rights of Man and Citizen of 1789 // Documents of the History of the Great French Revolution. T.1. // Responsible ed. A.V.Ado. M.: Publishing House of Moscow University, 1990.
7. "Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms" (Concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended on 06.24.2013) (together with "Protocol [No. 1]" (Signed in Paris on 03.20.1952), "Protocol No. 4 on ensuring certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and the first Protocol to it" (Signed in Strasbourg on September 16, 1963), "Protocol No. 7" (Signed in Strasbourg on 22.11. 1984)) // www.consultant.ru
8. Declaration of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated June 12, 1990 No. 22-1 "On the State Sovereignty of the Russian Soviet Federative Socialist Republic" // www.consultant.ru

9. "International Covenant on Civil and Political Rights" (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // [https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966 -o-grazhdanskikh-i/ www.consultant.ru](https://legalacts.ru/doc/mezhdunarodnyi-pakt-ot-16121966 -o-grazhdanskikh-i/www.consultant.ru)
10. Albanian Constitution of 1998 // <https://worldconstitutions.ru/?p=104>
11. The Constitution of the Republic of Bulgaria of 1991 // <http://parliament.am/library/sahmanadrutyunner/bulgaria.pdf>
12. The Greek Constitution of 1975 // <https://rua.gr/law/others/3176-konstitucziya-greczii.html/> www.consultant.ru
13. The Constitution of the Italian Republic // <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf>
14. Constitution of Slovenia (Republic of Slovenia) of 1993 // <https://legalns.com/competent-lawyers/legal-library/constitutions-of-countries-of-the-world/constitution-slovenia>
15. Constitution of Finland (Republic of Finland) // <https://legalns.com/download/books/cons/finland.pdf>
16. Constitution of the Czech Republic (Czech Republic) // https://legalns.com/download/books/cons/czech_republic.pdf
17. Constitution of Sweden (Kingdom of Sweden) // <https://legalns.com/download/books/cons/sweden.pdf>
18. Decree of the Supreme Council of the RSFSR of November 22, 1991 No. 1920-1 "On the Declaration of the Rights and Freedoms of Man and Citizen" // www.consultant.ru
19. Basic Law of the Federal Republic of Germany // <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>
20. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on June 13, 2023) "On the Mass Media" // www.consultant.ru
21. Verushevsky G. The principle of equality and non-discrimination / In the collection: Human Rights. Legal Model / Under. ed. G. Verushevsky. Warsaw-Krakow, 1991. P. 78.
22. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).
23. Kornev V.N. Human Dignity and Law: Article // Justice/Justice. 2020. V. 2. No. 4. P. 8–13.
24. Michalovska G. Protection of human rights in the Council of Europe and in the European Union. Warsaw, 2007, pp. 62–63.
25. Postnikov A. E. Constitutional law of Russia: textbook / [A. E. Postnikov and others]; ed. A. E. Postnikova. Moscow: Prospekt, 2007. 498 p.
26. Human rights / Ed. E.A. Lukasheva. Moscow: Norma Publishing House, 2003. 573 p.
27. Judgment of the Constitutional Tribunal of the Republic of Poland No. TK 7/92OTK1993, part II, p. 27. // <http://otk.trybunal.gov.pl/orzeczenia/>
28. Judgment of the Constitutional Tribunal of the Republic of Poland No. TK W8/93OTK1994, part II, p. 18. // <http://otk.trybunal.gov.pl/orzeczenia/>
29. Safiyan M. Keys of constitutional axiology. Warsaw: Republic, 2001.
30. Freedoms and human rights in the Constitution of the Republic of Poland / Under. ed. M. Khmay. Warsaw-Krakow: Zakamyche, 2006, p. 54.
31. Sokolevich V. Constitutional Courts in Europe / Ed. J. Tzhtsinsky. Warsaw: Constitutional Tribunal, 2000. Vol. 4.
32. Chetvernin V. A. Concepts of law and state. Moscow, 1997. P. 4–5.

33. Ebzeev B.S. Man, people, state in the constitutional law of the Russian Federation. Moscow: Legal literature, 2005. 576 p.

34. Bill of Rights (1791) // <https://www.archives.gov/milestone-documents/bill-of-rights>

35. Constitution of the United States // <https://constitution.congress.gov/constitution/>

For citation: Komarov S.A., Kovalsky E.S.Ch. Legal infiltration of the idea of human dignity in the Declaration on the Rights and Freedoms of Man and Citizen: Article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 27–35.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.130.2.019

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.036

Д.А. Малышев*

П.Г. Редкин о юридической науке и ее претворении в правовую реальность в историческом процессе развития цивилизации*

Аннотация. В статье дается анализ точек зрения П.Г. Редкина на содержание юридической науки, рассматривается его роль в процессе становления отечественной юриспруденции как науки общетеоретического и отраслевого состояния, отражается выдающаяся заслуга П. Г. Редкина в цивилизации образовательного процесса и учреждение по его инициативе первого в России педагогического общества.

Ключевые слова: юридическая наука, педагогическая наука, энциклопедия права, юриспруденция, дошкольное образование.

Одним из источников развития современной российской государственности, юриспруденции в существующей цивилизации является обращение к наследию русских ученых, юристов, педагогов. Всестороннее и глубокое исследование означает не только качественное приращение знаний в теоретико-государственной сфере, но и является определённым вкладом в практическую юриспруденцию.

Изучение нравственно-правовых взглядов отечественных ученых XIX века, представляется, несомненно, актуальным в русле развития российской юридической науки. Развитие современной юриспруденции на основах гуманизма, приоритета общечеловеческих ценностей, их соединение с учебным процессом делают необходимым обращение как к историческому опыту предшествующего цивилизационного развития, так и к современному восприятию государственно-правовой действительности в нарождающейся цивилизации [8]. Неоднозначность проблем, которые стоят перед современным юристом, поиск более эффективных путей развития юридических знаний

---

* **Малышев Дмитрий Александрович**, магистрант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, Президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор // [Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897](http://orcid.org/0000-0002-0425-0897). E-mail: matgip2017@yan-dex.ru.

* Материал данной статьи частично содержится в магистерской диссертации: *Малышев Д.А. Политико-правовые воззрения Петра Григорьевича Редкина: историко-правовое исследование.* – СПб, 2023. – С. 3–4, 47–55.

диктуют необходимость всестороннего и глубокого изучения и активного использования юридического наследия прошлого.

Анализ российского юридического наследия актуален и в свете проходящих научных дискуссий об особенностях основных направлений юридической мысли, о периоде становления русской государственности, этапах её развития. Таковы обстоятельства, превращающие изучение истории юридической мысли в предмет не только научного, но и практического интереса для современной юриспруденции. Особенно высокую научную ценность представляет исследование процесса становления отечественной юриспруденции как науки, а также общественно-государственная деятельность и теоретическое наследие тех российских ученых и общественных деятелей, которые внесли весомый вклад в становление и развитие юридической науки в России. Одним из таких просветителей являлся Петр Григорьевич Редкин.

Анализ исторических источников и научно-исследовательской литературы позволил выявить общую проблему, суть которой состоит в том, что отсутствует целостное теоретико-практическое исследование общественной деятельности и правовых взглядов П.Г. Редкина.

С одной стороны есть ряд работ, в которых рассматриваются только педагогические взгляды П.Г. Редкина, его общественно-педагогическая деятельность, с другой стороны, его труды и взгляды, направленные на российскую государственность, на соотношение государства, права и философии исследованы недостаточно; имеется определённое количество источников документального, мемуарного и эпистолярного характера, архивных и опубликованных, связанных с преподавательской и общественной деятельностью П.Г. Редкина, но вместе с тем, они не проанализированы с учётом современных проблем юриспруденции.

Если анализировать роль П.Г. Редкина в развитии юридической науки, то следует отметить, что ранее, до введения нового устава российских университетов (1835 г.) на юридических факультетах преподавалась «энциклопедия законоведения». После введения устава она стала называться «энциклопедией права». Кстати в Петербургском университете была одноименная кафедра.

В чем же заключалась разница между «энциклопедией законоведения» и «энциклопедией права»? П.Г. Редкин связывает изменение названия учебной дисциплины с составлением М.М. Сперанским свода законов Российской империи. Роль и значимость этого мыслителя в исследовании и формировании российского права невозможно переоценить. Проводимая им работа, по мнению П.Г.Редкина, по размаху напоминала памятные времена составления сборников римского права Юстиниана. Но Юстиниан, подчеркивает он, внес в них не только императорские указы, т.е. законодательство, но и обычное право, результаты практической и теоретической деятельности юристов (право юристов).

Свод законов Российской империи, напротив, был сборником законов, т.к. в него вошло законодательство, а не обычное право или право юристов. «В своде законов стали искать всего нашего действующего права, между тем как свод этот был составлен только из законов; отсюда явилось предположение, действующее законодательство и есть действующее право

вообще; следовательно, источник права есть только законодательство, следовательно, право и законодательство суть выражения тождественные; следовательно, изучать законодательство – значит изучать право; следовательно, знание, ведение законов, законоведение, есть знание, ведение права вообще, правоведение» [7, с. 8].

П.Г. Редкин оценивает роль Свода законов с позиций активного защитника порядков, существовавших в России того периода. Известно, что Свод законов, полукрепостнический по содержанию, способствовал укреплению крепостнической империи. В действительности, дело не сводилось к аналогии с законодательством римского императора. «Слабая, настроенная верноподданнически русская буржуазия заискивала перед феодалами. Ее политическая программа ограничивалась пожеланием весьма умеренных и ограниченных реформ, проведенных «сверху», направленных на поощрение ее предпринимательской деятельности и установление правовых (и материальных) гарантий, которые позволили бы развиваться капиталистическим отношениям и в то же время дали бы ей возможность совместно с феодалами эксплуатировать народ» [1, с. 454–555].

С другой стороны, энциклопедия права именуется «Энциклопедией юридических и политических наук», по словам П.Г. Редкина, потому, что право, общество и государство находится в самой близкой связи, и «если поэтому сам устав соединил энциклопедии юридических и политических наук, а, следовательно, общества и государства, если, наконец, сам устав включил в энциклопедию права историю философии права, а, следовательно, и современную философию права, то сама собой следует необходимость включения в энциклопедию права истории и догмы философии общества и государства наряду или нераздельно с представлением их положительным, историческим» [7, с. 17].

Вслед за энциклопедией выделяются такие направления, как философия права, теория права, социология права, да и сама энциклопедия права со временем стала исполнять роль обобщающей науки.

Вероятно, это и имел в виду Н.Зверев, когда писал, что она должна представлять право как логическое единство понятий, как живое целое.

Именно на этом основании П.Г. Редкин, К.Неволин, М.Капустин и другие склонялись к мысли, что особой разницы между философией, теорией и энциклопедией права нет. В сущности, подобные исследования вели не к поискам собственного предмета той или иной науки, а к более глубокому осмыслению правовой материи, стремлению дать, наконец, ответ на вопрос: «Что же такое право?» – вопрос, который на протяжении столетий привлекал и привлекает сегодня внимание многих исследователей.

В современной теории государства и права под энциклопедией права понимается, во-первых, получившее распространение в период, предшествующий возникновению теории права, общее учение о праве; во-вторых, в современном значении – это юридическая дисциплина, представляющая собой в конечном итоге – *обзорный анализ* национального права различных стран и их правовых учреждений [10].

Возникновение **энциклопедии права** относится к XVII в. Принято считать, что одним из первых учебников была «Универсальная энциклопе-

дия права» Г. Гунниуса, изданная в 1675 г. В России широкую известность получили учебники по энциклопедии права К. Неволина, Е. Трубецкого, Г. Чичерина и др. (XIX – начало XX вв.). Долгое время определенности в понимании энциклопедии права не было, так как одни авторы считали ее наукой, другие только учебной дисциплиной, своего рода общим обзором юридических наук. Лишь впоследствии складывается понимание энциклопедии права как общего учения о праве. В начале XIX века энциклопедия права преподается практически во всех юридических вузах и претендует на статус самостоятельной науки. В России преподавание энциклопедии права относится к концу XVIII в. Университетским уставом 1835 года энциклопедия права вводится в качестве обязательного предмета. В конце XIX века энциклопедия права утрачивает свои позиции и превращается в пропедевтику правоведения (в настоящее время – это понимается как своего рода введение в юридическую специальность).

Энциклопедия, как известно, это наука наук, содержащая в себе то, что более подробно раскрывается в содержании специальных наук. «Не имевшая границ», энциклопедия права выполняла функции обзорной юридической дисциплины. Отсутствие собственного предмета и метода не позволяло ей подняться до уровня самостоятельной научной дисциплины. В то же время, претерпев определенную модификацию, энциклопедия права сохранила свое интеграционное значение в современных условиях, став своего рода обзорным учебным пособием национального права. Именно в таком виде она представлена в западной литературе: американское право; введение в немецкое право; еврейское право и т.д. В таком виде энциклопедия права представляет нечто большее, чем просто введение в юридическую науку [10].

Выдающейся заслугой П. Г. Редкина в цивилизации образовательного процесса стало учреждение первого в России педагогического общества. Подготовительное организационное собрание общества прошло на его квартире 11 октября 1859 г. Председателем общества был избран П. Г. Редкин. В течение пятнадцати лет он ежегодно тайным голосованием переизбирался на эту должность, вплоть до 1874 г., когда вынужден был отказаться от должности по болезни.

Более 500 человек были членами общества. На заседаниях общества обсуждались учебные планы и программы, методики преподавания различных предметов, вопросы воспитательной работы с учащимися и т. д. Обычно на каждом заседании заслушивался и обсуждался реферат на определенную тему. Всего было заслушано свыше 250 докладов. Многие из этих выступлений в дальнейшем публиковались в педагогических журналах, которые в середине XIX вв. стали открываться усилиями передовых русских педагогов. В 1879 г. общество было закрыто, причем причиной послужило недовольство министра народного просвещения Д. А. Толстого тем обстоятельством, что на заседаниях общества обсуждались, – и, подчас даже критиковались, – решения, официально уже утвержденные высшим начальством, в частности, вопрос о введении классической системы образования как единственно возможной формы подготовки к получению высшего образования.

Многосторонняя педагогическая деятельность Редкина была оценена Санкт-Петербургским комитетом грамотности, которое в 1881 г. наградило его золотой медалью.

П. Г. Редкин был первым в России педагогом, который поднял вопрос о дошкольном образовании и об организации детских садов [2, с. 372–373]. Еще в 1863 г. он указывал об этом в одной из своих статей, а затем постоянно поднимал этот вопрос на заседаниях педагогического общества. Он первым из российских педагогов говорил об учреждении детских садов как деле крайне важном, и, как только мог, он пропагандировал это замечательное открытие Фридриха Фрëбеля [3, с. 114–123]. Фрëбелевское общество объединило вокруг себя группу первых российских педагогов, которых без преувеличения можно считать первопроходцами в этом благородном деле, а их вдохновителем и организатором был П. Г. Редкин.

Работа П. Г. Редкина как деятеля народного образования была многогранной. Важно отметить его участие в создании одного из первых русских журналов «Библиотека для воспитания». Вместе со своим единомышленником историком Д. А. Валуевым П. Г. Редкин привлекал для работы в журнале лучших российских авторов. В журнале выделялись два раздела – детский и педагогический. Это было излюбленное чтение детей и их родителей.

В первые годы издания журнала (1843–1844) П. Г. Редкин был основным автором педагогических статей этого, пожалуй, самого популярного российского журнала педагогического профиля. Его выписывали и покупали, в основном, люди среднего достатка, которые могли себе это позволить. В 1843–1846 гг. П. Г. Редкин был редактором этого журнала, в 1847–1849 гг. – его редактором и издателем. (В эти годы он именовался «Новая библиотека для воспитания»).

П. Г. Редкину принадлежит ценное утверждение о том, что педагогика не должна быть сборником бессмысленно повторяемых правил, механических подражаний чужим примерам и образцам. Эти рассуждения П. Г. Редкина были в дальнейшем развиты К. Д. Ушинским, утверждавшим, что передается не сам педагогический опыт, а мысль, выведенная из этого опыта [4].

П. Г. Редкин предлагал строить процесс обучения таким образом, чтобы ребенок стремился сам перерабатывать учебный материал, то есть он, фактически, провозглашал принцип самостоятельности, активности ребенка в обучении и воспитании.

П. Г. Редкиным намечен целый ряд важнейших теоретических положений. Так, он указывал, что «знание человека есть первое предположение педагогики. Следовательно, всестороннее, полное, основательное и истинное знание человеческой природы – вот что должно составлять первый предмет изучения со стороны воспитателя и наставника» [6].

К. Д. Ушинский в своей работе «Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии)» углубляет эту мысль и справедливо утверждает, что «если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [9, с. 15].

В ряде своих работ П. Г. Редкин ставил вопросы взаимоотношения учителя и учащихся.

Проблема гуманного педагогического общения остается чрезвычайно актуальной и в настоящее время, поэтому методические советы П. Г. Редкина, высказанные в его статьях «Как учителю вести себя с учениками» и «Содействие учеников учителю» не утратили ценности и сегодня. Педагог высказывает в них мнение о высокой миссии учителя; указывает на то, что учитель должен постоянно, в том числе и в свободное от непосредственно педагогической работы, время помнить о своем высоком предназначении. Важным условием успешного осуществления учебного процесса П. Г. Редкин считал содействие учителю со стороны его учеников, а этого можно добиться, справедливо считал ученый, лишь в случае такой организации учебного процесса, при которой дети оказываются постоянно занятыми полезным делом.

«Ребенок требует деятельности», – отмечал П. Г. Редкин [5]. Таким образом, именно его можно считать первым российским ученым, который высказывал идеи о субъектности ученика и деятельностном подходе. Разумеется, таких терминов и понятий тогда просто не было, и Петр Григорьевич использовал несколько другие определения.

Анализ идей и практической педагогической и общественной деятельности П. Г. Редкина позволяют считать его не только по настоящему крупным российским ученым и практиком в государственно-правовой области, но и основоположником русской теоретической педагогики.

Библиографический список

1. История политических учений [Текст]: [Учебник для юридических институтов и факультетов] / Академия наук СССР. Ин-т государства и права; Под ред. проф. С. Ф. Кечекьяна и доц. Г. И. Федькина. – 2-е изд. – М.: Госюриздат, 1960. – 894 с.
2. Петр Григорьевич Редкин // Антология педагогической мысли России первой половины 19 в. /сост. П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1987. – С. 372–373.
3. Помелов В. Б. Фридрих Фрѐбель и его вклад в педагогику: к 230-летию со дня рождения педагога и к 175-летию открытия им первого в истории детского сада // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Педагогика и психология. – 2011. – № 4 (3). – С. 114–123.
4. Помелов В. Б. Российские педагоги второй половины XIX – начала XX вв. – М.: ВГПУ, 2000. – 220 с.
5. Помелов В. Б. Российская педагогика в лицах: монография. – Саарбрюккен: Lap Lambert Academic Publishing, 2013. – 612 с.
6. Редкин П. Г. Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1958. – 314 с.
7. Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. – Т. 1. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. – XII. – С. 8.
8. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с. ISBN 978-5-86247-154-0
9. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Педагогические сочинения: в 6 т. – Т. 5. – М.: Педагогика, 1990. – С. 15.

10. Элементарные начала общей теории права // Под общей редакцией В.И. Червонюка. – М., 2003 // <http://law.niv.ru/doc/dictionary/theory-of-law/index.htm>

Для цитирования: *Мальшев Д.А.* П.Г. Редкин о юридической науке и ее претворении в правовую реальность в историческом процессе развития цивилизации: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 2 (130). – С. 36–42.

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_130_2_036

P.G. Redkin on legal science and its implementation into legal reality in the historical process of civilization development *

Dmitry A. Malyshev *

Annotation. The article analyzes the points of view of P.G. Redkin on the content of jurisprudence, considers its role in the formation of domestic jurisprudence as a science of general theoretical and sectoral status, reflects the outstanding merit of P. G. Redkin in the civilization of the educational process and the establishment on his initiative of the first pedagogical community in Russia.

Key words: legal science, pedagogical science, encyclopedia of law, jurisprudence, preschool education.

One of the sources of development of modern Russian statehood, jurisprudence in the existing civilization is the appeal to the heritage of Russian scientists, lawyers, and teachers. A comprehensive and in-depth study means not only a qualitative increase in knowledge in the theoretical-state sphere, but also a certain contribution to practical jurisprudence.

The study of the moral and legal views of domestic scientists of the 19th century seems to be undoubtedly relevant in line with the development of Russian legal science. The development of modern jurisprudence on the basis of humanism, the priority of universal human values, their connection with the educational process makes it necessary to address both the historical experience of the previous civilizational development and the modern perception of state-legal reality in the emerging civilization [8]. The ambiguity of the problems facing the modern lawyer, the search for more effective ways to develop legal knowledge dictate the need for a comprehensive and in-depth study and active use of the legal heritage of the past.

---

* The material of this article is partially contained in the master's thesis: Malyshev D.A. Political and legal views of Petr Grigorievich Redkin: historical and legal research. St. Petersburg, 2023. P. 3–4, 47–55.

* **Malyshev Dmitry Aleksandrovich**, master student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Inter-Regional Association of State and Law Theorists, Scientific Supervisor of the Legal Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law Sciences, Professor // [Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897](http://orcid.org/0000-0002-0425-0897). E-mail: matgip2017@yandex.ru.

The analysis of the Russian legal heritage is also relevant in the light of ongoing scientific discussions about the features of the main areas of legal thought, about the period of the formation of Russian statehood, and the stages of its development. These are the circumstances that turn the study of the history of legal thought into a subject of not only scientific, but also practical interest for modern jurisprudence. Of particular high scientific value is the study of the process of formation of domestic jurisprudence as a science, as well as public and state activities and the theoretical heritage of those Russian scientists and public figures that have made a significant contribution to the formation and development of legal science in Russia. One of these educators was Pyotr Grigoryevich Redkin.

An analysis of historical sources and research literature made it possible to identify a common problem, the essence of which is that there is no holistic theoretical and practical study of the social activities and legal views of P.G. Redkin.

On the one hand, there are a number of works that consider only the pedagogical views of P.G. Redkin, his social and pedagogical activities, on the other hand, his works and views aimed at Russian statehood, on the relationship between the state, law and philosophy, have not been studied enough; there are a certain number of sources of a documentary, memoir and epistolary nature, archival and published, related to the teaching and public activities of P.G. Redkin, but at the same time, they are not analyzed taking into account modern problems of jurisprudence.

If we analyze the role of P.G. Redkin in the development of legal science, it should be noted that earlier, before the introduction of the new charter of Russian universities (1835), an "encyclopedia of jurisprudence" was taught at law faculties. After the introduction of the charter, it began to be called the "encyclopedia of law". By the way, there was a department of the same name at St. Petersburg University.

What was the difference between the "encyclopedia of jurisprudence" and the "encyclopedia of law"? P.G. Redkin connects the change in the name of the academic discipline with the compilation of M.M. Speransky Code of Laws of the Russian Empire. The role and significance of this thinker in the study and formation of Russian law cannot be overestimated. The work carried out by him, according to P.G. Redkin, in scope resembled the memorable times of compiling collections of Roman law by Justinian. But Justinian, he emphasizes, introduced into them not only imperial decrees, i.e. legislation, but also customary law, the results of the practical and theoretical activities of lawyers (the law of lawyers).

The code of laws of the Russian Empire, on the contrary, was a collection of laws, because it included legislation, not customary law or the law of jurists. "In the code of laws, they began to look for all our existing law, while this code was composed only of laws; hence the assumption that the current legislation is the current law in general; therefore, the source of law is only legislation, therefore, law and legislation are identical expressions; therefore, to study legislation is to study law; therefore, knowledge, the conduct of laws, jurisprudence, is knowledge, the conduct of law in general, jurisprudence" [7, p. 8].

P.G. Redkin assesses the role of the Code of Laws from the position of an active defender of the orders that existed in Russia at that time. It is known that the Code of Laws, semi-serf in content, contributed to the strengthening of the feudal empire. In fact, the matter was not reduced to an analogy with the legislation of the Roman emperor. "The weak, loyal Russian bourgeoisie fawned over the feudal lords. Her political program was limited to the desire for very moderate and limited reforms carried out "from above", aimed at encouraging her entrepreneurial activity and establishing legal (and material) guarantees that would allow the development of capitalist relations and at the same time give her the opportunity to to exploit the people together with the feudal lords" [1, p. 454–555].

On the other hand, the encyclopedia of law is called the "Encyclopedia of Legal and Political Sciences", according to P.G. Redkin, because law, society and the state are in the closest connection, and "if, therefore, the charter itself connected the encyclopedias of legal and political sciences, and, consequently, society and the state, if, finally, the charter itself included the history of the philosophy of law in the encyclopedia of law , and, consequently, the modern philosophy of law, then the need to include in the encyclopedia of law the history and dogmas of the philosophy of society and the state, along with or inseparably with their positive, historical presentation, follows by itself" [7, p. 17].

Following the encyclopedia, such areas as the philosophy of law, the theory of law, the sociology of law stand out, and the encyclopedia of law itself eventually began to play the role of a generalizing science.

This is probably what N. Zverev had in mind when he wrote that it should represent law as a logical unity of concepts, as a living whole.

It is on this basis that P.G. Redkin, K. Nevolin, M. Kapustin and others were inclined to think that there is no particular difference between philosophy, theory and encyclopedia of law. In essence, such studies did not lead to the search for one's own subject of this or that science, but to a deeper understanding of legal matter, the desire to finally give an answer to the question: "What is law?" – a question that has attracted and still attracts the attention of many researchers for centuries.

In the modern theory of state and law, the encyclopedia of law is understood, firstly, as the general doctrine of law, which became widespread in the period preceding the emergence of the theory of law; secondly, in the modern sense, it is a legal discipline, which is ultimately a review analysis of the national law of various countries and their legal institutions [10].

The emergence of the encyclopedia of law dates back to the 17th century. Accepted consider that one of the first textbooks was the "Universal Encyclopedia of Law" by G. Gunnus, published in 1675. In Russia, textbooks on the encyclopedia of law by K. Nevolin, E. Trubetskoy, G. Chicherin and others (XIX – beginning of the 20th century). For a long time there was no certainty in the understanding of the encyclopedia of law, since some authors considered it a science, others only an academic discipline, a kind of general overview of the legal sciences. Only later does an understanding of the encyclopedia of law develop as a general doctrine of law.

At the beginning of the 19th century, the encyclopedia of law was taught in almost all law schools and claimed the status of an independent science. In

Russia, the teaching of the encyclopedia of law dates back to the end of the 18th century. The university charter of 1835 introduced the encyclopedia of law as a compulsory subject. At the end of the 19th century, the encyclopedia of law loses its position and turns into propaedeutics of jurisprudence (at present, this is understood as a kind of introduction to the legal specialty).

An encyclopedia, as you know, is a science of sciences that contains what is revealed in more detail in the content of special sciences. "Having no borders", the encyclopedia of law served as an overview of the legal discipline. The absence of its own subject and method did not allow it to rise to the level of an independent scientific discipline. At the same time, having undergone a certain modification, the encyclopedia of law has retained its integration value in modern conditions, becoming a kind of review textbook of national law. It is in this form that it is presented in Western literature: American law; introduction to German law; Jewish law, etc. In this form, the encyclopedia of law is more than just an introduction to legal science [10].

The outstanding merit of P. G. Redkin in the civilization of the educational process was the establishment of the first pedagogical society in Russia. The preparatory organizational meeting of the society was held at his apartment on October 11, 1859. PG Redkin was elected chairman of the society. For fifteen years, he was annually re-elected to this position by secret ballot, until 1874, when he was forced to resign due to illness.

More than 500 people were members of the society. At the meetings of the society, curricula and programs, methods of teaching various subjects, issues of educational work with students, etc. were discussed. Usually, at each meeting, an essay on a specific topic was heard and discussed. In total, more than 250 reports were heard. Many of these speeches were later published in pedagogical journals, which in the middle of the 19th century began to open up through the efforts of advanced Russian teachers.

In 1879, the society was closed, and the reason was the dissatisfaction of the Minister of Public Education D. A. Tolstoy with the fact that at the meetings of the society they discussed – and sometimes even criticized – decisions that had already been officially approved by higher authorities, in particular, the issue on the introduction of the classical system of education as the only possible form of preparation for higher education.

The many-sided pedagogical activity of Redkin was appreciated by the St. Petersburg Literacy Committee, which in 1881 awarded him a gold medal.

P. G. Redkin was the first teacher in Russia who raised the issue of pre-school education and the organization of kindergartens [2, p. 372–373]. Back in 1863, he pointed out this in one of his articles, and then constantly raised this issue at meetings of the Pedagogical Society. He was the first of the Russian teachers to speak about the establishment of kindergartens as an extremely important matter, and, as far as he could, he promoted this remarkable discovery of Friedrich Froebel [3, p. 114–123]. The Froebel Society united around itself a group of the first Russian teachers, who, without exaggeration, can be considered pioneers in this noble cause, and P. G. Redkin was their inspirer and organizer.

The work of P. G. Redkin as a figure in public education was multifaceted. It is important to note his participation in the creation of one of the first

Russian journals, Library for Education. Together with his like-minded historian D. A. Valuev, P. G. Redkin attracted the best Russian authors to work in the magazine. There were two sections in the magazine – children's and pedagogical. It was a favorite reading of children and their parents.

In the early years of the publication of the journal (1843–1844), P.G. Redkin was the main author of pedagogical articles in this, perhaps, the most popular Russian pedagogical journal. It was prescribed and bought, mainly by middle-class people who could afford it. In 1843–1946 P.G. Redkin was the editor of this journal, in 1847–1849 – its editor and publisher (During these years it was called "The New Library for Education").

P. G. Redkin made a valuable assertion that pedagogy should not be a collection of senselessly repeated rules, mechanical imitations of other people's examples and models. These arguments of P. G. Redkin were further developed by K. D. Ushinsky, who argued that it is not the pedagogical experience itself that is transmitted, but the thought derived from this experience [4].

P.G. Redkin proposed to build the learning process in such a way that the child would strive to process the educational material himself, that is, he actually proclaimed the principle of independence, the child's activity in learning and upbringing.

P. G. Redkin outlined a number of important theoretical provisions. Thus, he pointed out that “knowledge of man is the first assumption of pedagogy. Therefore, a comprehensive, complete, thorough and true knowledge of human nature – this is what should be the first subject of study on the part of an educator and mentor” [6].

K. D. Ushinsky in his work “Man as an Object of Education (Experience of Pedagogical Anthropology)” deepens this idea and rightly asserts that “if pedagogy wants to educate a person in all respects, then it must first recognize him in all respects too” [9, p. 15].

In a number of his works, P. G. Redkin raised questions of the relationship between the teacher and students.

The problem of humane pedagogical communication remains extremely relevant at the present time, therefore, the methodological advice of P. G. Redkin expressed in his articles “How a teacher should behave with students” and “Assistance of students to a teacher” has not lost its value today. The teacher expresses in them an opinion about the high mission of the teacher; indicates that the teacher must constantly, including in his free time from directly pedagogical work, remember his high mission. P. G. Redkin considered an important condition for the successful implementation of the educational process to be the assistance of the teacher from his students, and this can be achieved, the scientist rightly considered, only in the case of such an organization of the educational process in which children are constantly engaged in useful work.

“The child requires activity,” noted P. G. Redkin [5]. Thus, it is he who can be considered the first Russian scientist who expressed ideas about the subjectivity of the student and the activity approach. Of course, such terms and concepts simply did not exist then, and Pyotr Grigoryevich used somewhat different definitions.

An analysis of the ideas and practical pedagogical and social activities of P. G. Redkin allows us to consider him not only a truly major Russian scientist and practitioner in the state-legal field, but also the founder of Russian theoretical pedagogy.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. History of political doctrines [Text]: [Textbook for legal institutes and faculties] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of State and Law; Ed. prof. S. F. Kechekyan and Assoc. G. I. Fedkina. 2nd ed. Moscow: Gosyuriz-dat, 1960. 894 p.
2. Petr Grigoryevich Redkin // Anthology of pedagogical thought in Russia in the first half of the 19th century / comp. P. A. Lebedev. Moscow: Pedagogy, 1987. P. 372–373.
3. Pomelov V. B. Friedrich Froebel and his contribution to pedagogy: on the 230th anniversary of the birth of a teacher and on the 175th anniversary of the opening of the first kindergarten in the history // Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities. Pedagogy and psychology. 2011. No. 4 (3). P. 114–123.
4. Pomelov V. B. Russian teachers of the second half of the 19th – early 20th centuries. Moscow: VGPU, 2000. 220 p.
5. Pomelov V. B. Russian pedagogy in faces: monograph. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013. 612 p.
6. Redkin P. G. Selected pedagogical works. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 314 p.
7. Redkin P.G. From lectures on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general. T. 1. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1889. XII. P. 8.
8. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (informational) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p. ISBN 978-5-86247-154-0
9. Ushinsky KD Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology // Pedagogical works: in 6 vols. Vol. 5. Moscow: Pedagogy, 1990. P. 15.
10. Elementary principles of the general theory of law // Under the general editorship of V.I. Chervonyuk. Moscow, 2003 // <http://law.niv.ru/doc/dictionary/theory-of-law/index.htm>

For citation: Malyshev D.A. P.G. Redkin on Legal Science and its Implementation into Legal Reality in the Historical Process of Civilization Development: Article // Theory of State and Law. 2023. No. 2 (130). P. 42–47.

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_130_2_036

Научная статья

УДК 340

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_133_2_048

А.Д. Сошников*

Зарубежный опыт цифровизации малого и среднего бизнеса

Аннотация. Процесс использования цифровых технологий затронул как крупный бизнес, так и субъекты малого и среднего бизнеса. Практика применения цифровых технологий в зарубежных странах показала положительные результаты в виде упрощения подачи документов, регистрационных процедур и т.д.

Анализ практических аспектов процесса цифровизации малого и среднего бизнеса показал необходимость разработки соответствующих программных продуктов, привлечения специалистов, проведения контрольных мероприятий и т.д. с использованием зарубежного опыта. Для этого необходимо оптимизировать российское законодательство, повысить активность и заинтересованность государственных органов в нормотворческой деятельности для ускорения процессов цифровизации малого и среднего бизнеса в России.

Ключевые слова: цифровизация, малый и средний бизнес, бизнес-процессы, предпринимательство, цифровые технологии, социальные сети, блокчейн, мессенджер.

Управление персоналом является одной из ключевых функций успешного ведения бизнеса, особенно для малых и средних предприятий (далее – МСБ), где эффективность работы каждого сотрудника имеет большое значение. В условиях цифровизации бизнес-процессов, применение цифровых инструментов для управления персоналом становится все более актуальным и востребованным. Рассмотрим основные аспекты использования цифровых инструментов для управления персоналом в малом и среднем бизнесе [5].

На Западе считается, что одним из основных преимуществ использования цифровых инструментов в управлении персоналом является возможность упрощения и автоматизации процесса подбора и отбора кандидатов на вакансии. Использование онлайн-платформ и баз данных, таких как HeadHunter, SuperJob или LinkedIn, позволяет компаниям быстро

---

* **Сошников Александр Дмитриевич** – магистрант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinstspb@mail.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, Президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор //URL: <http://orcid.org/0000-0002-0425-0897>. E-mail: matgip2017@yandex.ru

и эффективно искать и анализировать резюме потенциальных сотрудников, а также применять различные критерии и фильтры для сужения круга кандидатов [1].

Цифровые инструменты часто используются для автоматизации процесса найма и адаптации новых сотрудников. Это может включать использование систем управления рекрутингом (Applicant Tracking System, ATS), которые позволяют автоматически отслеживать статус и прогресс каждого кандидата на разных этапах процесса найма [9]. Кроме того, цифровые инструменты могут быть использованы для проведения онлайн-тестирования и оценки компетенций кандидатов, а также для организации и проведения онлайн-интервью и собеседований через видеоконференции и мессенджеры.

Цифровые инструменты также играют важную роль в области обучения и развития сотрудников МСБ. Электронные системы управления обучением (Learning Management System, LMS) позволяют компаниям предоставлять своим сотрудникам доступ к обучающим материалам и курсам онлайн, отслеживать прогресс обучения и оценивать результаты [9], что в целом оптимизирует процесс обучения, снижает затраты на организацию очных тренингов и семинаров, а также повышает гибкость и доступность обучения для сотрудников.

Цифровые инструменты также могут быть использованы для оценки и контроля работы сотрудников, а также для мониторинга и анализа их производительности, эффективности и результатов. Примеры таких инструментов включают системы управления проектами (такие как Trello, Asana или Basecamp), системы учета рабочего времени и отслеживания задач (например, TimeDoctor, Toggl или Clockify), а также системы оценки производительности и KPI (Key Performance Indicators) [9].

Цифровые инструменты также способствуют улучшению коммуникации и взаимодействия между сотрудниками, особенно в условиях удаленной работы и гибкого графика. Использование корпоративных мессенджеров (например, Slack, Microsoft Teams или Telegram), видеоконференций (Zoom, Skype или Google Meet) и онлайн-досок для совместной работы (Miro, RealtimeBoard или Tactivos) позволяет упростить обмен информацией, координировать действия и совместно работать над проектами и задачами [5].

В целом, применение цифровых инструментов для управления персоналом в малом и среднем бизнесе предоставляет ряд преимуществ и возможностей для оптимизации и автоматизации различных процессов, связанных с подбором, наймом, обучением, оценкой и контролем работы сотрудников, а также улучшением коммуникации и взаимодействия внутри компании. Эти инструменты способствуют повышению эффективности и результативности работы сотрудников, снижению издержек на организацию и проведение обучения, а также улучшению управления проектами и ресурсами.

Однако, внедрение и использование цифровых инструментов в управлении персоналом также может столкнуться с рядом проблем и ограничений, таких как сопротивление изменениям со стороны сотрудников, необходимость обучения и адаптации к новым технологиям, а также вопросы безопасности данных и конфиденциальности информации [5].

В связи с этим, для успешного внедрения цифровых инструментов в управлении персоналом МСБ важно проводить комплексный анализ потребностей и возможностей компании, а также разрабатывать стратегии и планы по обучению и адаптации сотрудников, внедрению и интеграции технологий, а также обеспечению безопасности и защиты данных.

Кроме того, для успешного внедрения цифровых инструментов в управлении персоналом МСБ необходимо учесть специфику отрасли и рынка, на котором работает компания, а также особенности корпоративной культуры и структуры организации. Возможно, будет полезно провести анализ лучших практик и опыта других компаний, а также привлекать внешних экспертов и консультантов для разработки и реализации проектов по внедрению цифровых инструментов в управлении персоналом.

Делаем вывод, что цифровые инструменты для управления персоналом в малом и среднем бизнесе представляют собой перспективное направление развития, которое может способствовать повышению конкурентоспособности и устойчивости компаний на рынке, а также улучшению качества и эффективности работы сотрудников. Однако, успешное внедрение и использование этих инструментов требует комплексного подхода и учета ряда факторов, связанных с адаптацией и обучением сотрудников, интеграцией технологий, обеспечением безопасности данных и учетом специфики компании и рынка.

Возможные направления дальнейшего исследования и развития в данной области могут включать анализ влияния цифровых инструментов на качество и продолжительность трудовых отношений, изучение вопросов мотивации и удержания сотрудников в условиях применения цифровых технологий, а также разработка новых инструментов и методов для оптимизации процессов управления персоналом с использованием искусственного интеллекта, машинного обучения и других передовых технологий.

Таким образом, цифровые инструменты для управления персоналом в малом и среднем бизнесе представляют собой важный ресурс для улучшения эффективности и результативности работы сотрудников, снижения затрат на организацию и проведение обучения и управления ресурсами. Однако, успешное внедрение и использование этих инструментов требует комплексного подхода и учета ряда факторов, связанных с адаптацией и обучением сотрудников, интеграцией технологий, обеспечением безопасности данных и учетом специфики компании и рынка.

Успех в бизнесе в целом во многом зависит от эффективности управления клиентскими отношениями (Customer Relationship Management, CRM), что является одним из ключевых факторов успеха для малого и среднего бизнеса – в особенности. Применение цифровых инструментов в данной сфере позволяет существенно повысить эффективность работы с клиентами, оптимизировать бизнес-процессы и улучшить качество предоставляемых услуг. В данном пункте рассмотрим основные аспекты внедрения цифровых инструментов для управления клиентскими отношениями в малом и среднем бизнесе.

Выбор и внедрение CRM-системы является первым шагом к цифровизации управления клиентскими отношениями. Существует множество

CRM-систем, различающихся по функционалу, стоимости, масштабируемости и другим параметрам. При выборе CRM-системы для малого и среднего бизнеса следует учитывать специфику компании, отрасль, в которой она работает, а также бюджет и возможности по развитию и масштабированию.

Важным фактором успешного внедрения CRM-системы является обучение сотрудников и адаптация бизнес-процессов к новым инструментам и методам работы. Возможно, потребуются привлечение внешних консультантов и специалистов для обучения сотрудников и проведения аудита бизнес-процессов, чтобы определить возможности для оптимизации и цифровизации [8].

Применение аналитических инструментов и технологий обработки больших данных (Big Data) в CRM позволяет получать ценную информацию о клиентах и рынке, определять тренды и прогнозировать поведение потребителей, а также оптимизировать маркетинговые кампании и продажи. Использование Big Data в CRM также способствует снижению затрат на привлечение клиентов, увеличению уровня удовлетворенности и лояльности, а также повышению доходов компании.

Для анализа данных и принятия решений на основе информации, полученной из CRM, малый и средний бизнес может использовать различные инструменты и методы, такие как дашборды, отчеты, сегментация клиентов, скоринговые модели, машинное обучение и другие. Важно выбирать инструменты аналитики и обработки данных, которые подходят для конкретной компании и отрасли, учитывая размер и структуру данных, доступные ресурсы и компетенции сотрудников [6].

Взаимосвязь и интеграция всех каналов коммуникации и взаимодействия с клиентами предполагает наличие системы, которая должна обеспечивать единый подход к управлению клиентскими отношениями на всех этапах взаимодействия с клиентами, от привлечения и продажи до поддержки и обслуживания. В контексте CRM – это «омниканальность». Для реализации омниканальности CRM-системы могут интегрироваться с другими системами и инструментами, используемыми в компании, такими как системы управления контентом (CMS), системы автоматизации маркетинга, платформы электронной коммерции, системы управления персоналом и другие. Интеграция CRM с другими системами позволяет получить полную картину взаимодействия с клиентами, анализировать их потребности и предпочтения на основе всех доступных данных и оптимизировать бизнес процессы с учетом информации о клиентах [8].

В условиях постоянного развития мобильных технологий и увеличения числа сотрудников, работающих удаленно или вне офиса, мобильность и доступность CRM-систем становятся все более важными. Мобильные приложения и платформы для управления клиентскими отношениями позволяют сотрудникам получать доступ к информации о клиентах и выполнять свои рабочие задачи в любое время и в любом месте, что повышает оперативность и эффективность работы.

Для обеспечения мобильности CRM-системы, малому и среднему бизнесу следует учитывать не только наличие мобильных приложений и версий для различных операционных систем, но и интеграцию с мобильными

устройствами, такими как смартфоны, планшеты и ноутбуки, а также возможности работы в режиме офф-лайн и синхронизации данных.

Нельзя не отметить роль и значение такого инструмента как личный кабинет клиента. Его внедрение наряду с системами самообслуживания является одним из способов повышения удовлетворенности клиентов и оптимизации работы с ними. Личный кабинет позволяет клиентам получать доступ к информации о своем аккаунте, заказах, услугах, истории взаимодействий с компанией, а также самостоятельно решать ряд задач, таких как обновление контактных данных, управление подписками и запросы на поддержку.

Системы самообслуживания могут интегрироваться с CRM-системой, что позволяет собирать и анализировать информацию о поведении клиентов в личном кабинете, их предпочтениях и оценках услуг, а также оптимизировать процессы работы с клиентами и предоставлять им более качественные и персонализированные услуги.

Социальные сети и мессенджеры стали неотъемлемой частью жизни людей, поэтому использование их для управления клиентскими отношениями становится все более актуальным. Многие компании уже успешно внедряют такие инструменты для повышения уровня удовлетворенности клиентов и создания более глубоких и долгосрочных отношений с ними.

Использование социальных сетей для управления клиентскими отношениями предполагает создание официальных страниц компании в популярных социальных сетях, таких как Facebook, Instagram, ВКонтакте и других, и активное взаимодействие с клиентами на этих площадках [8]. Компании могут использовать социальные сети для публикации новостей и акций, обратной связи с клиентами, решения проблем и вопросов, а также для сбора отзывов и предложений. Более того, социальные сети являются источником ценной информации о предпочтениях и потребностях клиентов, которая может быть использована для персонализации услуг и предложений.

Мессенджеры, такие как WhatsApp, Viber и Telegram, также могут быть использованы для управления клиентскими отношениями. Они предоставляют возможность быстрого и удобного общения с клиентами, отправки уведомлений о заказах, проведения онлайн-консультаций и поддержки, а также получения обратной связи. Интеграция мессенджеров с CRM-системами позволяет автоматизировать процессы общения с клиентами и повысить их удовлетворенность от взаимодействия с компанией [8].

Большое значение для улучшения управления клиентскими отношениями имеет применение машинного обучения, что позволяет компаниям оптимизировать свои бизнес-процессы, предсказывать поведение клиентов и предлагать им более точные и персонализированные предложения. Машинное обучение может быть использовано для анализа истории покупок клиентов, их предпочтений и поведения в интернете, чтобы определить наиболее вероятные потребности и интересы каждого клиента. Такой подход позволяет малому и среднему бизнесу более точно нацелить свои маркетинговые кампании и предложения, что в свою очередь повышает их конверсию и прибыль.

Кроме того, машинное обучение может быть использовано для автоматизации рутинных задач в управлении клиентскими отношениями, та-

ких как сегментация клиентской базы, отправка напоминаний о предстоящих событиях или праздниках, а также определение оптимальных каналов связи с клиентами. Это позволяет снизить нагрузку на сотрудников компании и освободить их время для более важных и стратегических задач.

Для достижения максимальной эффективности управления клиентскими отношениями, важно интегрировать его с другими бизнес-процессами компании. Например, интеграция CRM-системы с системами управления складом и логистикой позволяет оптимизировать процесс обработки заказов и доставки товаров клиентам, что, в свою очередь, повышает их удовлетворенность от сотрудничества с компанией.

Также, интеграция CRM-системы с системами управления проектами и задачами сотрудников позволяет координировать работу различных отделов компании в рамках обслуживания клиентов, обеспечивая более высокое качество услуг и предложений [8]. Это особенно актуально для компаний, работающих в сфере услуг или реализующих сложные проекты, где важно обеспечить эффективное взаимодействие между различными специалистами и отделами.

В целом, интеграция управления клиентскими отношениями с другими бизнес-процессами компании позволяет создать единую информационную систему, которая обеспечивает более глубокий анализ клиентских данных и позволяет оптимизировать различные аспекты работы с клиентами.

Для успешного внедрения цифровых инструментов управления клиентскими отношениями важно обеспечить подготовку и обучение сотрудников компании, так как именно они взаимодействуют с клиентами на различных этапах обслуживания и являются ключевым фактором успеха в данной области. Обучение может включать в себя как теоретические занятия, так и практические тренинги по работе с CRM-системами, мессенджерами, социальными сетями и другими цифровыми инструментами управления клиентскими отношениями.

Кроме того, необходимо постоянно развивать навыки сотрудников в области коммуникации, продаж, обработки жалоб и предложений, а также формировать у них понимание важности удовлетворения клиентских потребностей и создания долгосрочных отношений с клиентами. Регулярные тренинги и обучающие программы могут способствовать повышению квалификации сотрудников и улучшению качества обслуживания клиентов.

Отметим, что внедрение цифровых инструментов для управления клиентскими отношениями является актуальной и важной задачей для малого и среднего бизнеса в условиях цифровой экономики. Использование таких инструментов, как облачные технологии, блокчейн, искусственный интеллект, интернет вещей, цифровые маркетинговые инструменты, управление персоналом и клиентскими отношениями позволяет компаниям оптимизировать свои бизнес-процессы, улучшить качество услуг и предложений, а также повысить уровень удовлетворенности клиентов и лояльности к бренду.

Однако, нужно отметить, что успешное внедрение цифровых технологий требует не только инвестиций в соответствующее оборудование и программное обеспечение, но и изменений в организационной культуре и подхо-

дах к управлению бизнесом. Компании должны быть готовы к адаптации своих бизнес-процессов и культуры в соответствии с новыми технологическими возможностями, а также обеспечивать подготовку и обучение сотрудников для эффективного использования цифровых инструментов.

Также стоит учитывать, что внедрение цифровых технологий может повлечь за собой риски, связанные с безопасностью данных, защитой персональной информации клиентов и сотрудников, а также возможными нарушениями законодательства в области цифровой экономики. Поэтому компаниям необходимо уделять особое внимание вопросам безопасности и соблюдению требований законодательства при внедрении цифровых технологий в свою деятельность.

В целом, цифровые технологии предоставляют множество возможностей для малого и среднего бизнеса, позволяя оптимизировать процессы, сокращать издержки и повышать конкурентоспособность на рынке. Однако, для успешного внедрения и использования этих технологий важно проводить глубокий анализ своего бизнеса, определять наиболее актуальные и приоритетные направления развития и инвестировать в обучение сотрудников, развитие их навыков и компетенций. Только комплексный и системный подход к внедрению цифровых технологий может обеспечить максимальный эффект и позволить малому и среднему бизнесу преуспеть в условиях постоянного технологического развития и изменений на рынке.

Цифровые технологии существенно упрощают и оптимизируют финансовое управление в малом и среднем бизнесе. Использование современных инструментов позволяет повысить точность и оперативность финансовой отчетности, снизить издержки, связанные с административными расходами, а также обеспечить более эффективное управление денежными потоками и контроль над соблюдением финансовых обязательств.

1. Автоматизация бухгалтерского учета и отчетности: современные программы для бухгалтерии, такие как 1С, QuickBooks, Xero и другие, позволяют автоматизировать большую часть рутинных операций, связанных с учетом и обработкой финансовых данных. Это снижает вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором, и позволяет сотрудникам финансового отдела сосредоточиться на анализе и принятии управленческих решений.

2. Банковские и финансовые сервисы онлайн: использование интернет-банкинга, мобильных приложений и платежных систем (например, Яндекс.Деньги, QIWI, PayPal) позволяет предприятиям оперативно проводить расчеты с контрагентами и оптимизировать денежные потоки. Кроме того, доступ к онлайн-кредитованию и инвестиционным площадкам (например, Робокасса, Модульбанк) обеспечивает гибкость и оперативность в привлечении дополнительных финансовых ресурсов для развития бизнеса.

3. Управление дебиторской и кредиторской задолженностью: цифровые инструменты, такие как CRM-системы, платформы управления проектами (Trello, Asana) и специализированные приложения для контроля платежей и долгов, позволяют отслеживать сроки исполнения обязательств, анализировать динамику задолженности и предпринимать своевременные меры по ее снижению и взысканию. Это повышает финансовую дисциплину и улучшает кредитный рейтинг предприятия.

4. Бюджетирование и планирование: цифровые инструменты, такие как приложения и сервисы для составления и контроля бюджетов (Planfix, Mint, Toshl Finance), позволяют малому и среднему бизнесу прогнозировать доходы и расходы, определить оптимальное соотношение инвестиций и затрат, а также контролировать выполнение плановых показателей. Это способствует более грамотному управлению финансовыми ресурсами и снижению рисков банкротства.

5. Анализ и контроль финансовых показателей: с помощью программного обеспечения для анализа финансовых показателей (IBM SPSS, Microsoft Power BI, Tableau) малый и средний бизнес может проводить оперативный анализ своего финансового состояния, выявлять слабые места и определять направления развития. Это обеспечивает информационную поддержку управленческого решения и позволяет своевременно корректировать стратегию развития предприятия.

6. Электронный документооборот и сотрудничество с государственными структурами: внедрение систем электронного документооборота (ЭДО), таких как Диадок, СБИС и др., позволяет малому и среднему бизнесу обмениваться финансовыми документами с контрагентами и государственными структурами в режиме онлайн. Это снижает время и затраты на обработку и передачу документов, повышает их защищенность от утечек и потерь, а также обеспечивает удобство и прозрачность сотрудничества с контролирующими органами.

В целом, цифровые инструменты для эффективного финансового управления в малом и среднем бизнесе представляют собой интегрированный подход к оптимизации финансовых процессов, который включает в себя автоматизацию, анализ и контроль, электронный документооборот и сотрудничество с различными сторонами. Внедрение таких инструментов позволяет малому и среднему бизнесу значительно сократить время и усилия, затрачиваемые на финансовое управление, повысить его точность и оперативность, а также снизить риски, связанные с финансовыми потерями и непредвиденными обстоятельствами.

Основными преимуществами использования цифровых инструментов в финансовом управлении малого и среднего бизнеса являются:

- ускорение и упрощение финансовых процессов; снижение рисков ошибок и потерь;
- повышение прозрачности и контролируемости денежных потоков;
- улучшение аналитической базы для принятия управленческих решений;
- упрощение сотрудничества с контрагентами и государственными структурами.

Однако следует учитывать, что внедрение цифровых инструментов для финансового управления также связано с определенными сложностями и рисками, такими как:

- высокие затраты на приобретение и обслуживание программного обеспечения и оборудования;
- потребность в обучении и адаптации персонала к новым технологиям;

- риски кибербезопасности и защиты персональных данных;
- зависимость от стабильности работы интернет-соединения и облачных сервисов.

Тем не менее, при правильном подходе к выбору и внедрению цифровых инструментов для финансового управления, малый и средний бизнес может значительно повысить эффективность своей деятельности, снизить издержки и расширить возможности для роста и развития.

Иными словами, внедрение цифровых технологий в малом и среднем бизнесе является одним из ключевых факторов успешной адаптации к условиям современного рынка. Использование цифровых инструментов позволяет оптимизировать бизнес-процессы, повысить эффективность использования ресурсов, снизить операционные затраты и улучшить конкурентоспособность предприятий.

В процессе цифровизации малого и среднего бизнеса центральную роль играют образование и наука. Образование обеспечивает необходимыми знаниями, умениями и навыками, которые нужны для использования и применения цифровых технологий, а научные исследования способствуют развитию и внедрению новых технологий.

В современных условиях цифровизации экономики образование становится одним из ключевых факторов успешности бизнеса. Повышение уровня образования предпринимателей и специалистов в области цифровых технологий является одним из важнейших условий для успешной цифровизации малого и среднего бизнеса. Для этого создаются специальные образовательные программы и курсы.

Они включают в себя как обучение основам цифровой грамотности, так и изучение конкретных инструментов и технологий, таких как облачные технологии, блокчейн, искусственный интеллект, интернет вещей, цифровой маркетинг и управление персоналом и клиентскими отношениями с помощью цифровых инструментов.

В рамках таких программ предприниматели и специалисты могут получить не только теоретические знания, но и практические навыки, которые позволят им успешно внедрять и использовать цифровые технологии в своем бизнесе. Важную роль в этом процессе играют практические занятия и мастер-классы, а также возможность работы над реальными проектами и задачами.

Подобные программы и курсы проводятся как в формате очного обучения, так и в формате дистанционного обучения, что позволяет сделать их доступными для большего числа предпринимателей и специалистов. При этом используются различные формы обучения, включая лекции, семинары, вебинары, онлайн-курсы, тренинги и т.д. [2]. Нужно отметить, что для повышения квалификации в области цифровых технологий необходимо не просто проходить обучение, но и постоянно обновлять свои знания и навыки, так как область цифровых технологий постоянно развивается и меняется. Поэтому необходимо создание системы непрерывного образования в этой области.

Научно-исследовательские проекты и разработки играют важную роль в процессе цифровизации малого и среднего бизнеса. Они способ-

ствуют созданию новых цифровых технологий, оптимизации существующих, а также разработке эффективных подходов к внедрению и использованию цифровых технологий в бизнесе.

Научные исследования в области цифровых технологий проводятся в различных направлениях. Они включают, в частности, исследования в области облачных технологий, искусственного интеллекта, блокчейна, интернета вещей, цифрового маркетинга, управления персоналом и клиентскими отношениями с помощью цифровых инструментов, а также финансового управления в условиях цифровизации.

Результаты таких исследований могут быть использованы для создания новых продуктов и услуг, оптимизации бизнес-процессов, повышения эффективности управления и операционной деятельности, а также для повышения конкурентоспособности малого и среднего бизнеса.

Важным аспектом является привлечение малого и среднего бизнеса к участию в научно-исследовательских проектах, в том числе через механизмы государственной поддержки. Это способствует инновационному развитию бизнеса, повышению его конкурентоспособности, а также формированию культуры инноваций и цифровизации в малом и среднем бизнесе.

Важно подчеркнуть, что современные научно-исследовательские проекты и разработки не ограничиваются созданием новых технологий. Они также направлены на разработку новых бизнес-моделей, стратегий и практик, которые могут быть эффективно использованы малым и средним бизнесом в условиях цифровизации. Исследования в этой области могут включать изучение опыта отраслевых лидеров и лучших мировых практик, анализ трендов и прогнозирование развития отрасли, а также моделирование и оптимизация бизнес-процессов.

Кроме того, результаты научно-исследовательских работ в области цифровизации могут быть использованы для подготовки образовательных программ и курсов, направленных на повышение квалификации предпринимателей. Это помогает обеспечить соответствие образовательных программ актуальным потребностям бизнеса, а также способствует распространению новых знаний и навыков среди предпринимателей и специалистов малого и среднего бизнеса.

Таким образом, научно-исследовательские проекты и разработки играют ключевую роль в процессе цифровизации малого и среднего бизнеса. Они способствуют не только развитию новых технологий, но и формированию новых подходов к ведению бизнеса, а также подготовке высококвалифицированных специалистов, способных эффективно работать в условиях цифровизации.

Сотрудничество между академическим сообществом и бизнесом играет важную роль в процессе цифровизации малого и среднего бизнеса. Это сотрудничество может осуществляться в различных формах и направлениях.

Одной из наиболее эффективных форм сотрудничества является участие бизнеса в научно-исследовательских проектах и разработках. Это позволяет бизнесу получить доступ к новейшим разработкам в области цифровых технологий, а также принять участие в их создании и тестировании.

Кроме того, это способствует формированию культуры инноваций и повышает конкурентоспособность малого и среднего бизнеса.

Также, академическое сообщество и бизнес могут работать совместно над созданием образовательных программ и курсов, направленных на повышение квалификации предпринимателей. Это позволяет обеспечить актуальность и практическую направленность обучения, а также формировать у предпринимателей необходимые компетенции в области цифровых технологий. Бизнес, в свою очередь, получает возможность обучать своих сотрудников на основе самых последних научных разработок и достижений.

Наконец, совместная работа академического сообщества и бизнеса может включать проведение научных конференций, семинаров и иных мероприятий, направленных на обмен знаниями и опытом в области цифровизации. Это помогает распространять новые идеи и лучшие практики, а также укреплять связи между участниками процесса цифровизации.

Таким образом, сотрудничество между академическим сообществом и бизнесом в сфере цифровизации малого и среднего бизнеса играет важную роль в развитии этой сферы. Оно способствует обмену знаниями и опытом, развитию науки и образования, а также повышению конкурентоспособности малого и среднего бизнеса на современном этапе.

Следует отметить, что роль образования и науки в процессе цифровизации малого и среднего бизнеса сложно переоценить. Образовательные программы и научные исследования помогают формировать новые знания и навыки, необходимые для успешной работы в условиях цифровой экономики. Сотрудничество между академическим сообществом и бизнесом, в свою очередь, способствует инновационному развитию и повышению конкурентоспособности малого и среднего бизнеса.

В условиях глобализации и быстрого развития цифровых технологий важность адаптации малого и среднего бизнеса (МСБ) к новым условиям усиливается. Цифровая трансформация является ключевым фактором, определяющим успешность бизнеса в XXI веке, и затрагивает все сферы деятельности компании: от управления производством до отношений с клиентами и сотрудниками.

В то же время, цифровизация МСБ представляет собой сложный процесс, требующий значительных затрат ресурсов, времени и усилий. Нормативно-правовое регулирование цифровизации играет важную роль в этом процессе, так как создает условия для реализации цифровых проектов, определяет правила их внедрения и эксплуатации, а также устанавливает меры ответственности за нарушение этих правил.

Анализ международного опыта нормативно-правового регулирования цифровизации МСБ позволит получить ценные знания и уроки, которые могут быть использованы для развития цифрового бизнеса в России. В этой главе рассматривается опыт Европейского Союза, США, Канады и стран Азиатско-Тихоокеанского региона в правовом регулировании цифровизации МСБ, что дает возможность сравнить различные подходы и стратегии и выявить лучшие практики и методы регулирования.

Европейский опыт цифровизации малого и среднего бизнеса (МСБ) обусловлен системой нормативно-правовых регуляторов, разработанных

Европейским союзом (ЕС), и национальной политикой отдельных стран ЕС. Основной упор в ЕС делается на создание единого цифрового рынка, что позволяет МСБ эффективно масштабироваться и сотрудничать с партнерами по всему союзу.

Важнейшим документом, ориентированным на цифровизацию, является «Стратегия Единого Цифрового Рынка для Европы» 2015 года. Этот документ представляет собой комплекс мер, направленных на устранение барьеров для онлайн-деятельности на всей территории ЕС, включая меры по гармонизации правил защиты данных, усиление борьбы с киберпреступностью и поддержку цифровой инфраструктуры.

Еще одной важной инициативой является General Data Protection Regulation (GDPR), вступивший в силу в 2018 году. Этот регулятор предъявляет строгие требования к обработке и защите персональных данных, что ставит перед МСБ новые задачи и вызовы. Несмотря на то, что GDPR порождает некоторые затраты для бизнеса, он также предлагает новые возможности, поскольку поддерживает доверие потребителей и обеспечивает равные условия для всех компаний.

При поддержке ЕС разрабатываются различные программы и инструменты, например, COSME (Programme for the Competitiveness of Enterprises and Small and Medium-sized Enterprises), которые поддерживают МСБ в процессе цифровой трансформации. COSME, в частности, финансирует проекты, связанные с использованием облачных технологий, электронной коммерцией и цифровым маркетингом.

На национальном уровне страны ЕС также активно поддерживают цифровизацию МСБ. В Германии, например, была принята "Стратегия цифровизации" 2018 года, которая, в частности, предусматривает меры по ускорению процесса цифровой трансформации МСБ. Франция в рамках своей стратегии "France Numérique 2022" акцентирует внимание на развитии цифровых навыков, что также способствует цифровой трансформации МСБ.

Таким образом, Европейский опыт цифровизации МСБ характеризуется комплексным подходом, включающим как общие для всех стран ЕС регуляторы, так и национальные меры поддержки. Благодаря этому МСБ получают возможности для эффективного использования цифровых технологий и успешного развития [7].

Опыт Северной Америки в цифровизации малого и среднего бизнеса во многом определяется рыночной ориентацией и активным привлечением частного сектора. США и Канада предлагают своеобразные подходы к цифровой трансформации, которые характеризуются высокой степенью свободы для предпринимателей и активным применением технологических инноваций.

В США основной акцент делается на поддержке инноваций и развитии инфраструктуры. Программа US Small Business Administration (SBA), например, предлагает различные инструменты и ресурсы для помощи МСБ в цифровой трансформации, включая обучающие программы, микрозаймы и программы менторства.

Кроме того, правительство активно сотрудничает с частным сектором для развития цифровой инфраструктуры. Например, в рамках инициативы

BroadbandUSA предусматриваются меры по расширению доступа к широкополосному интернету, что является важным условием для цифровизации МСБ.

В Канаде акцент делается на ускорении цифровой трансформации и поддержке технологического предпринимательства. Канадская программа Digital Main Street, например, помогает малым и средним предприятиям внедрять цифровые инновации и увеличивать свою конкурентоспособность.

Кроме того, в Канаде осуществляется активное регулирование в области защиты данных и кибербезопасности. Так, в 2020 году были предложены поправки к Федеральному закону о защите личных данных, которые предусматривают более строгий контроль над обработкой данных и большую ответственность для компаний.

Таким образом, опыт США и Канады в области цифровизации МСБ характеризуется активной ролью государства в поддержке инноваций, развитии инфраструктуры и регулировании важных вопросов, таких как защита данных и кибербезопасность [3].

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) является одним из самых динамичных и разнообразных регионов в мире с точки зрения цифровой трансформации МСБ. Страны АТР предлагают различные подходы к цифровизации, от активного привлечения инноваций до развития цифровой инфраструктуры и регулирования вопросов кибербезопасности и защиты данных.

Китай, будучи одной из ведущих цифровых держав мира, принимает активные меры для поддержки цифровой трансформации МСБ. Китайская политика в этой области ориентирована на использование инновационных технологий, таких как искусственный интеллект и большие данные, для повышения производительности и конкурентоспособности МСБ. Кроме того, Китай активно развивает цифровую инфраструктуру, включая широкополосный интернет и 5G.

Сингапур является еще одной страной АТР, которая активно поддерживает цифровую трансформацию МСБ. Сингапурская программа "SMEs Go Digital, например, предлагает МСБ поддержку в цифровой трансформации, включая консультационные услуги, финансирование и обучение.

Также стоит отметить опыт Южной Кореи, которая внедрила «План преобразования в цифровую экономику» с целью поддержки цифровой трансформации МСБ. Этот план предусматривает меры по развитию цифровой инфраструктуры, увеличению числа IT-специалистов и стимулированию инноваций.

В целом, страны АТР активно развивают цифровую трансформацию МСБ, используя при этом разнообразные подходы, от поддержки инноваций до регулирования кибербезопасности и защиты данных [4].

Библиографический список

1. Лазаренко Л.А., Хорольская Т.Е. Управление человеческими ресурсами в современных экономических условиях: психологический аспект // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 35 (6). – С. 164–170.

2. Портал "Открытое образование 2023 // <https://openedu.ru/course/spbstu/DIGMARK/>

3. Ganne Emmanuelle (WTO), Lundquist Kathryn (WTO). The digital economy, GVCs and SMEs // Global Value Chain Development Report 2019, pp. 121–139. DOI: <https://doi.org/10.30875/2894deeb-en>
4. Kenechi Okeleke, J. J. Digital societies in Asia pacific: Progressing towards digital nations // London. GSMA Head Office, 2022. 52 p.
5. Lashmanova N. V., Kossukhina, M. A. Human resources management strategy on an innovative company: Competence approach // 2016 IEEE V Forum Strategic Partnership of Universities and Enterprises of Hi-Tech Branches (Science. Education. Innovations) // <https://ieeexplore.ieee.org/document/7835853/authors#authors>.
6. Muhammad Anshari, Mohammad Nabil Almunawar, Syamimi Ariff Lim, Abdullah Al-Mudimigh. Customer relationship management and big data enabled: Personalization customization of services // Applied Computing and Informatics. Volume 15, Issue 2, July 2019, pp. 94–101.
7. OECD (2021), The Digital Transformation of SMEs, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship, OECD Publishing, Paris // <https://doi.org/10.1787/bdb9256a-en>.
8. Parekh, L. Cracking the CRM Code: How to Prevent Failures in Buying, Implementing and Using CRM. Notion Press, 2020. 160 p.
9. Subhi R.M. Zeebaree, Hanan M. Shukur, Bzar Kh. Hussan. Human resource management systems for enterprise organizations: A review // Periodicals of Engineering and Natural Sciences. Vol. 7, No. 2, August 2019, pp. 660–669.

Для цитирования: Сошников А.Д. Зарубежный опыт цифровизации малого и среднего бизнеса: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 3 (32). – С. 48–61.
DOI: 10.25839/MATGIP_2023_130_2_048

Foreign experience of digitalization of small and medium-sized businesses

Alexander D. Soshnikov*

Annotation. The process of using digital technologies has affected both large businesses and small and medium-sized businesses. The practice of using digital technologies in foreign countries has shown positive results in the form of simplification of the submission of documents, registration procedures, etc.

An analysis of the practical aspects of the process of digitalization of small and medium-sized businesses showed the need to develop appropriate software products, attract specialists, conduct control measures, etc. using foreign experience. To do this, it is necessary to optimize Russian legislation, increase the activity and interest of state bodies in rule-making activities to accelerate the digitalization of small and medium-sized businesses in Russia.

---

* **Soshnikov Alexander Dmitrievich** – undergraduate of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the International Public Organization "Interregional Association of State and Law Theorists", Scientific Supervisor of the Legal Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, professor // <http://orcid.org/0000-0002-0425-0897>. E-mail: matgip2017@yandex.ru.

Key words: digitalization, small and medium business, business processes, entrepreneurship, digital technologies, social networks, blockchain, messenger.

Personnel management is one of the key functions of successful business, especially for small and medium-sized enterprises (hereinafter referred to as SMEs), where the performance of each employee is of great importance. In the context of digitalization of business processes, the use of digital tools for personnel management is becoming increasingly relevant and in demand. Consider the main aspects of using digital tools for personnel management in small and medium-sized businesses [5].

In the West, it is believed that one of the main advantages of using digital tools in personnel management is the ability to simplify and automate the process of recruiting and selecting candidates for vacancies. The use of online platforms and databases, such as HeadHunter, SuperJob or LinkedIn, allows companies to quickly and efficiently search and analyze resumes of potential employees, as well as apply various criteria and filters to narrow the pool of candidates [1].

Digital tools are often used to automate the process of hiring and onboarding new employees. This may include the use of recruiting management systems (Applicant Tracking System, ATS), which allow you to automatically track the status and progress of each candidate at different stages of the recruitment process [9]. In addition, digital tools can be used to conduct online testing and assess the competencies of candidates, as well as to organize and conduct online interviews and interviews via videoconferencing and instant messengers.

Digital tools also play an important role in the training and development of SME employees. Electronic learning management systems (Learning Management System, LMS) allow companies to provide their employees with access to training materials and online courses, track learning progress and evaluate results [9], which generally optimizes the learning process, reduces the cost of organizing face-to-face trainings and seminars, and increases the flexibility and accessibility of training for employees.

Digital tools can also be used to evaluate and control the work of employees, as well as to monitor and analyze their performance, efficiency and results. Examples of such tools include project management systems (such as Trello, Asana or Basecamp), time tracking and task tracking systems (such as TimeDoctor, Toggl or Clockify), as well as performance evaluation systems and KPIs (Key Performance Indicators) [9].

Digital tools also help to improve communication and interaction between employees, especially in conditions of remote work and flexible working hours. The use of corporate messengers (for example, Slack, Microsoft Teams or Telegram), video conferencing (Zoom, Skype or Google Meet) and online collaboration boards (Miro, RealtimeBoard or Tactivos) make it easier to share information, coordinate actions and collaborate on projects and tasks [5].

In general, the use of digital tools for personnel management in small and medium-sized businesses provides a number of advantages and opportunities for optimizing and automating various processes related to the selection,

hiring, training, evaluation and control of employees, as well as improving communication and interaction within the company. These tools help to increase the efficiency and effectiveness of employees, reduce the cost of organizing and delivering training, and improve project and resource management.

However, the introduction and use of digital tools in personnel management can also face a number of problems and limitations, such as resistance to change on the part of employees, the need for training and adaptation to new technologies, as well as issues of data security and information confidentiality [5].

In this regard, for the successful implementation of digital tools in SME personnel management, it is important to conduct a comprehensive analysis of the needs and capabilities of the company, as well as develop strategies and plans for training and adapting employees, implementing and integrating technologies, as well as ensuring security and data protection.

In addition, for the successful implementation of digital tools in SME personnel management, it is necessary to take into account the specifics of the industry and the market in which the company operates, as well as the specifics of the corporate culture and organization structure. It may be useful to analyze the best practices and experience of other companies, as well as engage external experts and consultants to develop and implement projects to introduce digital tools in personnel management.

We conclude that digital tools for personnel management in small and medium-sized businesses are a promising direction of development that can help increase the competitiveness and sustainability of companies in the market, as well as improve the quality and efficiency of employees. However, the successful implementation and use of these tools requires an integrated approach and taking into account a number of factors related to the adaptation and training of employees, technology integration, data security, and taking into account the specifics of the company and the market.

Possible directions for further research and development in this area may include an analysis of the impact of digital tools on the quality and duration of labor relations, the study of employee motivation and retention in the context of the use of digital technologies, as well as the development of new tools and methods for optimizing personnel management processes using artificial intelligence, machine learning and other advanced technologies.

Thus, digital tools for personnel management in small and medium-sized businesses represent an important resource for improving the efficiency and effectiveness of employees, reducing the cost of organizing and conducting training and resource management. However, the successful implementation and use of these tools requires an integrated approach and taking into account a number of factors related to the adaptation and training of employees, technology integration, data security, and taking into account the specifics of the company and the market.

Success in business as a whole largely depends on the effectiveness of customer relationship management (CRM), which is one of the key success factors for small and medium-sized businesses – in particular. The use of digital tools in this area can significantly increase the efficiency of working with clients, optimize business processes and improve the quality of services provided.

In this paragraph, we will consider the main aspects of the introduction of digital tools for managing customer relationships in small and medium-sized businesses.

The choice and implementation of a CRM system is the first step towards the digitalization of customer relationship management. There are many CRM systems that differ in functionality, cost, scalability and other parameters. When choosing a CRM system for small and medium businesses, one should take into account the specifics of the company, the industry in which it operates, as well as the budget and opportunities for development and scaling.

An important factor in the successful implementation of a CRM system is the training of employees and the adaptation of business processes to new tools and methods of work. It may be necessary to involve external consultants and specialists to train employees and conduct an audit of business processes in order to identify opportunities for optimization and digitalization [8].

The use of analytical tools and technologies for processing big data (Big Data) in CRM allows you to obtain valuable information about customers and the market, identify trends and predict consumer behavior, and optimize marketing campaigns and sales. The use of Big Data in CRM also helps to reduce the cost of customer acquisition, increase the level of satisfaction and loyalty, as well as increase the company's revenue.

To analyze data and make decisions based on information obtained from CRM, small and medium businesses can use various tools and methods, such as dashboards, reports, customer segmentation, scoring models, machine learning, and others. It is important to choose analytics and data processing tools that are suitable for a particular company and industries, taking into account the size and structure of data, available resources and employee competencies [6].

The interconnection and integration of all channels of communication and interaction with customers implies the existence of a system that should provide a unified approach to managing customer relationships at all stages of interaction with customers, from attracting and selling to support and service. In the context of CRM, this is "omnichannel". To implement omnichannel, CRM systems can be integrated with other systems and tools used in the company, such as content management systems (CMS), marketing automation systems, e-commerce platforms, personnel management systems, and others. Integration of CRM with other systems allows you to get a complete picture of interaction with customers, analyze their needs and preferences based on all available data, and optimize business processes based on customer information [8].

With the constant development of mobile technologies and the increase in the number of employees working remotely or away from the office, the mobility and availability of CRM systems are becoming increasingly important. Mobile applications and platforms for customer relationship management allow employees to access customer information and perform their work tasks anytime, anywhere, which increases efficiency and efficiency.

To ensure the mobility of the CRM system, small and medium businesses should consider not only the availability of mobile applications and versions for various operating systems, but also integration with mobile devices such as

smartphones, tablets and laptops, as well as the ability to work offline and data synchronization.

It is impossible not to note the role and importance of such a tool as a client's personal account. Its implementation, along with self-service systems, is one of the ways to increase customer satisfaction and optimize work with them. The personal account allows customers to access information about their account, orders, services, history of interactions with the company, as well as independently solve a number of tasks, such as updating contact information, managing subscriptions and support requests.

Self-service systems can be integrated with a CRM system, which allows you to collect and analyze information about the behavior of customers in your personal account, their preferences and service ratings, as well as optimize the processes of working with customers and provide them with better and more personalized services.

Social networks and instant messengers have become an integral part of people's lives, so using them to manage client relationships is becoming increasingly important. Many companies are already successfully implementing such tools to improve customer satisfaction and create deeper and longer-term relationships with them.

The use of social networks to manage client relations involves the creation of official company pages on popular social networks such as Facebook, Instagram, VKontakte and others, and active interaction with clients on these sites [8]. Companies can use social media to post news and promotions, get customer feedback, resolve issues and questions, and collect feedback and suggestions. Moreover, social networks are a source of valuable information about the preferences and needs of customers, which can be used to personalize services and offers.

Messengers such as WhatsApp, Viber and Telegram can also be used to manage customer relationships. They provide the ability to quickly and conveniently communicate with customers, send order notifications, conduct online consultations and support, and receive feedback. The integration of messengers with CRM systems allows you to automate the processes of communication with customers and increase their satisfaction from interacting with the company [8].

Machine learning is essential for improving customer relationship management, enabling companies to optimize their business processes, predict customer behavior and offer them more accurate and personalized offers. Machine learning can be used to analyze customer purchase history, preferences and online behavior to determine the most likely needs and interests of each customer. This approach allows SMBs to more accurately target their marketing campaigns and offers, which in turn increases their conversions and profits.

In addition, machine learning can be used to automate routine tasks in customer relationship management, such as segmenting the customer base, sending reminders for upcoming events or holidays, and determining the best communication channels with customers. This reduces the burden on the company's employees and frees up their time for more important and strategic tasks.

To achieve maximum effectiveness of customer relationship management, it is important to integrate it with other business processes of the company. For example, integrating a CRM system with warehouse and logistics management systems allows you to optimize the process of processing orders and delivering goods to customers, which, in turn, increases their satisfaction from working with the company.

Also, the integration of the CRM system with project management systems and employee tasks allows you to coordinate the work of various departments of the company within the framework of customer service, providing a higher quality of services and offers [8]. This is especially true for companies operating in the service sector or implementing complex projects, where it is important to ensure effective interaction between various specialists and departments.

In general, the integration of customer relationship management with other business processes of the company allows you to create a single information system that provides a deeper analysis of customer data and allows you to optimize various aspects of working with customers.

For the successful implementation of digital customer relationship management tools, it is important to ensure the training and education of company employees, since they are the ones who interact with customers at various stages of service and are a key success factor in this area. Training may include both theoretical classes and practical trainings on working with CRM systems, instant messengers, social networks and other digital tools for managing client relationships.

In addition, it is necessary to constantly develop the skills of employees in the field of communication, sales, handling complaints and suggestions, as well as to form in them an understanding of the importance of meeting customer needs and creating long-term relationships with customers. Regular trainings and education programs can help improve the skills of employees and improve the quality of customer service.

It should be noted that the introduction of digital tools for managing customer relationships is an urgent and important task for small and medium-sized businesses in the digital economy. The use of tools such as cloud technologies, blockchain, and artificial intelligence, Internet of things, digital marketing tools, personnel and customer relationship management allows companies to optimize their business processes, improve the quality of services and offers, as well as increase customer satisfaction and brand loyalty.

However, it should be noted that the successful implementation of digital technologies requires not only investments in appropriate hardware and software, but also changes in organizational culture and business management approaches. Companies must be prepared to adapt their business processes and culture to new technological opportunities, as well as train and educate employees to effectively use digital tools.

It is also worth considering that the introduction of digital technologies may entail risks associated with data security, protection of personal information of customers and employees, as well as possible violations of legislation in the field of the digital economy. Therefore, companies need to pay special at-

tention to security and compliance issues when implementing digital technologies in their activities.

In general, digital technologies provide many opportunities for small and medium-sized businesses, allowing them to optimize processes, reduce costs and increase competitiveness in the market. However, for the successful implementation and use of these technologies, it is important to conduct a deep analysis of your business, determine the most relevant and priority areas for development and invest in employee training, development of their skills and competencies. Only a comprehensive and systematic approach to the implementation of digital technologies can provide the maximum effect and allow small and medium-sized businesses to succeed in the face of constant technological development and market changes.

Digital technologies significantly simplify and optimize financial management in small and medium-sized businesses. The use of modern tools allows you to improve the accuracy and efficiency of financial reporting, reduce costs associated with administrative costs, as well as provide more efficient cash flow management and control over compliance with financial obligations.

1. Automation of accounting and reporting: modern accounting programs, such as 1C, QuickBooks, Xero and others, allow you to automate most of the routine operations related to the accounting and processing of financial data. This reduces the chance of human error and allows finance staff to focus on analysis and management decisions.

2. Banking and financial services online: the use of Internet banking, mobile applications and payment systems (for example, Yandex.Money, QIWI, PayPal) allows enterprises to quickly make settlements with counterparties and optimize cash flows. In addition, access to online lending and investment platforms (for example, Robokassa, Modulbank) provides flexibility and efficiency in attracting additional financial resources for business development.

3. Accounts receivable and payable management: digital tools such as CRM systems, project management platforms (Trello, Asana) and specialized applications for monitoring payments and debts allow you to track the timing of obligations, analyze the dynamics of debt and take timely measures to reduce it and recovery. This increases financial discipline and improves the company's credit rating.

4. Budgeting and planning: digital tools, such as budgeting and monitoring apps and services (Planfix, Mint, Toshl Finance), allow small and medium businesses to predict income and expenses, determine the optimal ratio of investments and costs, and control the implementation of planned indicators. This contributes to more competent management of financial resources and reduces the risk of bankruptcy.

5. Analysis and control of financial performance: With the help of financial performance analysis software (IBM SPSS, Microsoft Power BI, Tableau), small and medium businesses can quickly analyze their financial condition, identify weaknesses and determine the direction of development. This provides information support for the management decision and allows timely adjustment of the enterprise development strategy.

6. Electronic document management and cooperation with government agencies: the introduction of electronic document management systems (EDM), such as Diadoc, VLIS, etc., allows small and medium-sized businesses to exchange financial documents with counterparties and government agencies online. This reduces the time and cost of processing and transferring documents, increases their protection against leaks and losses, and also ensures the convenience and transparency of cooperation with regulatory authorities.

In general, digital tools for effective financial management in small and medium-sized businesses are an integrated approach to streamlining financial processes, which includes automation, analysis and control, electronic document management and collaboration with various parties. The introduction of such tools allows small and medium-sized businesses to significantly reduce the time and effort spent on financial management, improve its accuracy and efficiency, and reduce the risks associated with financial losses and unforeseen circumstances.

The main advantages of using digital tools in the financial management of small and medium-sized businesses are:

- acceleration and simplification of financial processes; reducing the risk of errors and losses;
- increasing transparency and controllability of cash flows;
- improvement of the analytical base for making managerial decisions;
- simplification of cooperation with contractors and government agencies.

However, it should be borne in mind that the introduction of digital tools for financial management is also associated with certain difficulties and risks, such as:

- high costs for the acquisition and maintenance of software and hardware;
- the need for training and adaptation of personnel to new technologies;
- cyber security and personal data protection risks;
- dependence on the stability of the Internet connection and cloud services.

However, with the right approach to the selection and implementation of digital tools for financial management, small and medium businesses can significantly increase their efficiency, reduce costs and expand opportunities for growth and development.

In other words, the introduction of digital technologies in small and medium-sized businesses is one of the key factors for successful adaptation to the conditions of the modern market. The use of digital tools allows you to optimize business processes, increase the efficiency of resource use, reduce operating costs and improve the competitiveness of enterprises.

In the process of digitalization of small and medium-sized businesses, education and science play a central role. Education provides the necessary knowledge, skills and abilities that are needed to use and apply digital technologies, while scientific research contributes to the development and implementation of new technologies.

In modern conditions of digitalization of the economy, education is becoming one of the key factors for business success. Increasing the level of edu-

cation of entrepreneurs and specialists in the field of digital technologies is one of the most important conditions for the successful digitalization of small and medium-sized businesses. For this, special educational programs and courses are being created.

They include both teaching the basics of digital literacy and learning about specific tools and technologies such as cloud computing, blockchain, artificial intelligence, the Internet of things, digital marketing, and managing personnel and customer relationships using digital tools.

Within the framework of such programs, entrepreneurs and specialists can gain not only theoretical knowledge, but also practical skills that will allow them to successfully implement and use digital technologies in their business. An important role in this process is played by practical exercises and master classes, as well as the opportunity to work on real projects and tasks.

Such programs and courses are conducted both in the format of full-time education and in the format of distance learning, which makes them accessible to a larger number of entrepreneurs and professionals. At the same time, various forms of education are used, including lectures, seminars, webinars, online courses, trainings, etc. [2]. It should be noted that in order to improve qualifications in the field of digital technologies, it is necessary not only to undergo training, but also to constantly update your knowledge and skills, since the field of digital technologies is constantly evolving and changing. Therefore, it is necessary to create a system of continuous education in this area.

Research projects and developments play an important role in the process of digitalization of small and medium-sized businesses. They contribute to the creation of new digital technologies, optimization of existing ones, as well as the development of effective approaches to the implementation and use of digital technologies in business.

Scientific research in the field of digital technologies is carried out in various directions. They include, in particular, research in the field of cloud technologies, artificial intelligence, blockchain, the Internet of things, digital marketing, personnel and customer relationship management using digital tools, as well as financial management in the context of digitalization.

The results of such research can be used to create new products and services, optimize business processes, improve management and operational efficiency, and improve the competitiveness of small and medium-sized businesses.

An important aspect is the attraction of small and medium-sized businesses to participate in research projects, including through government support mechanisms. This contributes to the innovative development of business, increasing its competitiveness, as well as the formation of a culture of innovation and digitalization in small and medium-sized businesses.

It is important to emphasize that modern research projects and developments are not limited to the creation of new technologies. They are also aimed at developing new business models, strategies and practices that can be effectively used by small and medium-sized businesses in the context of digitalization. Research in this area may include studying the experience of industry leaders and world best practices, analyzing trends and forecasting the development of the industry, as well as modeling and optimizing business processes.

In addition, the results of research work in the field of digitalization can be used to prepare educational programs and courses aimed at improving the skills of entrepreneurs. This helps to ensure that educational programs are aligned with current business needs, and promotes the dissemination of new knowledge and skills among entrepreneurs and small and medium-sized businesses.

Thus, research projects and developments play a key role in the process of digitalization of small and medium-sized businesses. They contribute not only to the development of new technologies, but also to the formation of new approaches to doing business, as well as the training of highly qualified specialists who are able to work effectively in the context of digitalization.

Cooperation between the academic community and business plays an important role in the process of digitalization of small and medium-sized businesses. This cooperation can be carried out in various forms and directions.

One of the most effective forms of cooperation is the participation of business in research projects and developments. This allows businesses to get access to the latest developments in the field of digital technologies, as well as take part in their creation and testing. In addition, it contributes to the formation of a culture of innovation and increases the competitiveness of small and medium-sized businesses.

Also, the academic community and business can work together to create educational programs and courses aimed at improving the skills of entrepreneurs. This makes it possible to ensure the relevance and practical orientation of training, as well as to form the necessary competencies in the field of digital technologies among entrepreneurs. Business, in turn, gets the opportunity to train its employees on the basis of the latest scientific developments and achievements.

Finally, the joint work of the academic community and business may include holding scientific conferences, seminars and other events aimed at sharing knowledge and experience in the field of digitalization. This helps to spread new ideas and best practices, as well as strengthen ties between the participants in the digitalization process.

Thus, cooperation between the academic community and business in the field of digitalization of small and medium-sized businesses plays an important role in the development of this area. It promotes the exchange of knowledge and experience, the development of science and education, as well as increasing the competitiveness of small and medium-sized businesses at the present stage.

It should be noted that the role of education and science in the process of digitalization of small and medium-sized businesses is difficult to overestimate. Educational programs and scientific research help to form new knowledge and skills necessary for successful work in the digital economy. Cooperation between the academic community and business, in turn, contributes to innovative development and increasing the competitiveness of small and medium-sized businesses.

In the context of globalization and the rapid development of digital technologies, the importance of adapting small and medium-sized businesses (SMEs) to new conditions is increasing. Digital transformation is a key factor in determining business success in the 21st century and affects all areas of the

company's activities: from production management to customer and employee relations.

At the same time, the digitalization of SMEs is a complex process that requires a significant investment of resources, time and effort. Legal regulation of digitalization plays an important role in this process, as it creates conditions for the implementation of digital projects, defines the rules for their implementation and operation, and also establishes liability for violation of these rules.

An analysis of international experience in the legal regulation of digitalization of SMEs will provide valuable knowledge and lessons that can be used to develop digital business in Russia. This chapter examines the experience of the European Union, the United States, Canada and the countries of the Asia-Pacific region in the legal regulation of digitalization of SMEs, which makes it possible to compare different approaches and strategies and identify best practices and regulatory methods.

The European experience of digitalization of small and medium-sized businesses (SMEs) is conditioned by the system of regulatory and legal regulators developed by the European Union (EU) and the national policies of individual EU countries. The main emphasis in the EU is on creating a single digital market, which allows SMEs to effectively scale and cooperate with partners throughout the union.

The most important document focused on digitalization is the 2015 Digital Single Market Strategy for Europe. This document is a set of measures aimed at removing barriers to online activities throughout the EU, including measures to harmonize data protection rules, strengthen the fight against cybercrime and support digital infrastructure.

Another important initiative is the General Data Protection Regulation (GDPR), which came into force in 2018. This regulator imposes strict requirements for the processing and protection of personal data, which poses new tasks and challenges for SMEs. While the GDPR creates some costs for businesses, it also offers new opportunities as it maintains consumer confidence and ensures a level playing field for all companies.

With the support of the EU, various programs and tools are being developed, for example, COSME (Programme for the Competitiveness of Enterprises and Small and Medium-sized Enterprises), which support SMEs in the process of digital transformation. COSME, in particular, finances projects related to the use of cloud technologies, e-commerce and digital marketing.

At the national level, EU countries are also actively supporting the digitalization of SMEs. In Germany, for example, the "Digitalization Strategy" of 2018 was adopted, which, in particular, provides for measures to accelerate the process of digital transformation of SMEs. France, as part of its "France Numerique 2022" strategy, focuses on the development of digital skills, which also contributes to the digital transformation of SMEs.

Thus, the European experience of digitalization of SMEs is characterized by an integrated approach, including both regulators common to all EU countries and national support measures. Thanks to this, SMEs get opportunities for the effective use of digital technologies and successful development [7].

North America's experience in SME digitalization is driven largely by market orientation and strong private sector engagement. The United States and Canada offer idiosyncratic approaches to digital transformation that are characterized by a high degree of freedom for entrepreneurs and the active use of technological innovation.

In the US, the focus is on supporting innovation and infrastructure development. The US Small Business Administration (SBA) program, for example, offers a variety of tools and resources to help SMEs digitally transform, including training programs, microloans, and mentoring programs.

In addition, the government is actively collaborating with the private sector to develop digital infrastructure. For example, the BroadbandUSA initiative provides for measures to expand access to broadband Internet, which is an important condition for the digitalization of SMEs.

In Canada, the focus is on accelerating digital transformation and supporting technology entrepreneurship. Canada's Digital Main Street program, for example, helps small and medium-sized businesses embrace digital innovation and increase their competitiveness.

In addition, Canada has strong data protection and cyber security regulation. For example, in 2020, amendments to the Federal Law on the Protection of Personal Data were proposed, which provide for stricter control over data processing and greater responsibility for companies.

Thus, the experience of the United States and Canada in the field of digitalization of SMEs is characterized by the active role of the state in supporting innovation, developing infrastructure and regulating important issues such as data protection and cyber security [3].

The Asia-Pacific region (APR) is one of the most dynamic and diverse regions in the world in terms of the digital transformation of SMEs. Asia-Pacific countries offer a variety of approaches to digitalization, from actively attracting innovation to the development of digital infrastructure and regulation of cyber security and data protection issues.

China, as one of the leading digital powers in the world, is taking active measures to support the digital transformation of SMEs. Chinese policy in this area is focused on using innovative technologies such as artificial intelligence and big data to improve the productivity and competitiveness of SMEs. In addition, China is actively developing digital infrastructure, including broadband internet and 5G.

Singapore is another Asia-Pacific country that actively supports the digital transformation of SMEs. Singapore's "SMEs Go Digital" program, for example, offers SMEs digital transformation support, including advisory services, funding and training.

It is also worth noting the experience of South Korea, which has implemented a "Digital Transformation Plan" to support the digital transformation of SMEs. This plan includes measures to develop digital infrastructure, increase the number of IT specialists and stimulate innovation.

In general, the Asia-Pacific countries are actively developing the digital transformation of SMEs, using a variety of approaches, from innovation support to cybersecurity regulation and data protection [4].

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Lazarenko L.A., Khorolskaya T.E. Human resource management in modern economic conditions: psychological aspect // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019. No. 35 (6). P. 164–170.
2. Portal "Open Education 2023" // <https://openedu.ru/course/spbstu/DIGMARK/>
3. Ganne Emmanuelle (WTO), Lundquist Kathryn (WTO). The digital economy, GVCs and SMEs // Global Value Chain Development Report 2019, pp. 121–139. DOI: <https://doi.org/10.30875/2894deeb-en>
4. Kenechi Okeleke, J. J. Digital societies in Asia pacific: Progressing towards digital nations // London. GSMA Head Office, 2022. 52 p.
5. Lashmanova N. V., Kossukhina, M. A. Human resources management strategy on an innovative company: Competence approach // 2016 IEEE V Forum Strategic Partnership of Universities and Enterprises of Hi-Tech Branches (Science. Education. Innovations) // <https://ieeexplore.ieee.org/document/7835853/authors#authors>.
6. Muhammad Anshari, Mohammad Nabil Almunawar, Syamimi Ariff Lim, Abdullah Al-Mudimigh. Customer relationship management and big data enabled: Personalization customization of services // Applied Computing and Informatics. Volume 15, Issue 2, July 2019, pp. 94–101.
7. OECD (2021), The Digital Transformation of SMEs, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship, OECD Publishing, Paris // <https://doi.org/10.1787/bdb9256a-en>.
8. Parekh, L. Cracking the CRM Code: How to Prevent Failures in Buying, Implementing and Using CRM. Notion Press, 2020. 160 p.
9. Subhi R.M. Zeebaree, Hanan M. Shukur, Bzar Kh. Hussan. Human resource management systems for enterprise organizations: A review // Periodicals of Engineering and Natural Sciences. Vol. 7, no. 2, August 2019, pp. 660–669.

For citation: Soshnikov A.D. Foreign experience of digitalization of small and medium-sized businesses: article // Theory of State and Law. 2023. No. 3 (32). P. 61–73.

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_130_2_048

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.074

Глава государства в системе разделения властей: российский и зарубежный опыт

И.И. Майоров*

Аннотация. В статье рассматривается место и роль института президентуры в системе органов государственной власти, анализируются отдельные полномочия президента как главы государства, рассматриваются конкретные примеры осуществления его полномочий. Исходя из теории разделения властей, определяется к какой ветви государственной власти относится глава государства.

Ключевые слова: глава государства, президент, ветви власти, полномочия главы государства, система органов власти, правовое регулирование, система разделения властей, конституции.

Институт главы государства появился, вероятно, одновременно с возникновением самого государства. С древнейших времен по сегодняшний день этот институт постоянно эволюционировал: от старейшин, князей, деспотов – до современных королей, императоров, президентов. Институт главы государства встречается почти во всех политически организованных странах. Государственное право наделяет его многими функциями и полномочиями, привилегиями и привилегиями, конкретный набор которых зависит от статуса главы государства, формы правления. Главой государства обычно является лицо, занимающее высшее место в иерархии государственных должностей и осуществляющее верховное представительство, как во внутривнутриполитической жизни, так и на международной арене [9].

Глава государства в Российской Федерации формирует правительство, обладает правом увольнять министров и отправлять правительство в отставку, назначать судей, предоставлять гражданство и право убежища, заключать и ратифицировать международные соглашения, назначать дипломатических представителей, награждать, помиловать осужденных и др., но осуществление этих полномочий на практике зависит от формы правления, от реального положения главы государства.

---

* **Майоров Иван Иванович**, аспирант кафедры конституционного и административного права Юридического института (г. Санкт-Петербург), магистр юриспруденции. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Представляется, что российская форма правления, несмотря на отдельные признаки, сближающие ее с президентской моделью, не может быть отнесена к последней. Формально Президент по Конституции России не назван главой исполнительной власти, а в соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (утратил силу) именно Правительство РФ являлось высшим органом исполнительной власти в стране [2].

В ныне действующем Федеральном конституционном законе от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» сказано, что исполнительную власть Российской Федерации осуществляют Правительство Российской Федерации и иные федеральные органы исполнительной власти в соответствии со структурой федеральных органов исполнительной власти под общим руководством Президента Российской Федерации, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [3].

Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие Правительства Российской Федерации и иных органов, входящих в единую систему публичной власти. Он имеет право председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации и заседаниях Президиума Правительства Российской Федерации, утверждать по предложению Председателя Правительства Российской Федерации структуру федеральных органов исполнительной власти и вносить в нее изменения.

Более того, именно Президент Российской Федерации определяет в структуре федеральных органов исполнительной власти органы, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, и органы, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации [3].

Иными словами, анализ полномочий Президента (назначение и отставка министров, председательство на заседаниях Правительства, отмена актов Правительства и др.) свидетельствует о том, что в реальности Правительство является органом, скорее подотчетным главе государства [11, с. 40].

Согласно ст. 80 Конституции Российской Федерации, «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти» [1; 10, с. 206–209].

Поправками к Конституции Российской Федерации в 2020 году для Президента Российской Федерации вводятся дополнительные требования и ограничения. В новой редакции ч. 2 ст. 81 Конституции Российской Федерации увеличен срок постоянного проживания в Российской Федерации, необходимый гражданину России для избрания Президентом Российской Федерации – теперь он составляет 25 лет (ранее этот срок равнялся 10 годам). Введены новые требования: теперь Президентом Российской Федера-

ции может быть избран гражданин, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства [1; 10, с. 206–209].

Это требование не распространяется на граждан, ранее имевших гражданство государства, которое было принято или часть которого была принята в Российскую Федерацию в соответствии с федеральным конституционным законом, и постоянно проживавших на такой территории. Эта оговорка позволяет избираться на должность Президента РФ гражданам, проживающим в Крыму, а также на территории Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей вновь принятым в состав России.

Кроме того, кандидат в Президенты не должен иметь и вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства. Президенту Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации [12].

Следует отметить, что при любой форме правления один полномочия глава государства может реализовывать самостоятельно, а для осуществления других требуется согласие и утверждение парламента (например, для назначения послов в США) или даже правительства (в парламентской республике). В парламентской республике и монархии, а иногда и в полупрезидентских республиках, для того чтобы некоторые акты президента или монарха действовали, премьер-министр должен скрепить их своей подписью (контрассигнатура).

Современные исследователи отмечают, что доктрина разделения властей «имеет глубокие исторические корни» [8, с. 5]. Прообраз данной идеи содержится в трудах древнегреческих философов (Платон, Аристотель).

Свой подход к вопросу о власти существует и в странах мусульманского фундаментализма, где считается, что вся власть принадлежит Аллаху, и у него – безраздельный вселенский суверенитет, а люди, органы государства (в том числе, глава государства, который рассматривается как глава уммы – сообщества правоверных) лишь исполняют волю Аллаха.

В настоящее время в научной литературе можно встретить и такие мнения ученых о том, что на самом деле никакого разделения властей нет. Например, известный немецкий профессор К. Меллерс говорит, что, во-первых, сам термин «разделение» (обычно англ., и фр. – «separation», «division», нем. – «Teilung», «Einteilung», «Verteilung», везде корнем является слово «часть») может означать что угодно, от «отделения» до «разграничения». Во-вторых, общеизвестно, что государственная власть не разделена. Вместо слов «разделение властей» предлагается словосочетание «организация властей» и необходимо строить новую систему на основе легитимации государственной власти [14].

Поскольку разделение властей все-таки признается, нам необходимо выяснить – к какой ветви государственной власти относится глава государства? Для начала определим: что же такое ветвь государственной власти? Впервые определение ветви власти предложил А. С. Автономов в ра-

боте «Избирательная власть». Он пишет: «Под ветвью государственной власти понимается один или несколько государственных органов, образующих в рамках единого механизма осуществления власти самостоятельную систему, которая наделяется властными полномочиями для выполнения присущих ей функций» [7, с. 74–75].

Впервые, указание на разделение полномочий появились во Временной Конституции Китайской республики 1912 г. [4]. В ст. 4 устанавливалось, что управление Китайской Республикой будет осуществляться через Национальное собрание, Временного президента, Кабинет министров и Судебную палату. Фактически устанавливалось четыре ветви власти.

В дополнение к трем традиционным это были экзаменационная (в основном для отбора лиц на государственную службу) и контрольная (государственный контроль) власти. Однако эта конституция из-за военного переворота фактически не действовала, ее восстановление в 1925–1927 гг. тоже заметных результатов не принесло. Ее положения о ветвях власти организационно (путем создания на практике новых видов органов) не осуществлялись.

Названия новых ветвей появились затем в конституциях некоторых стран Латинской Америки. Конституция Венесуэлы 1999 г. добавляет к этому перечню пятую власть [6]. В ст. 136 при перечислении ветвей власти она названа системой защиты прав человека, но в гл. 5, посвященной этой ветви власти, и в заголовке и в текстах нескольких статей (ст. 273 и след.) говорится о гражданской власти. Из текста указанных статей следует, что речь идет не только о защите прав человека. Полномочия этой ветви государственной власти более обширны.

Статья 273 Конституции Венесуэлы устанавливает, что гражданская власть независима, а органы, ее осуществляющие (Совет по вопросам морали и его местные органы, в состав которых входят представители Защитника народа, Генерального прокурора и Генерального контролера), обязаны предотвращать и расследовать случаи посягательств со стороны «государственных и административных механизмов» на нормы морали и нравственности и карать за это (т. е. эта ветвь власти, ее органы обладают правом на применение определенных форм ответственности), следить за надлежащим управлением и законным использованием государственного имущества, а также, в частности, стремиться к закреплению принципов гражданского долга, солидарности, свободы, демократии, социальной справедливости, созидательного труда, поощрять деятельность, направленную на изучение Конституции, воспитание любви к родине, уважение достоинства граждан, демократии, прав человека [6].

В Основном низаме (Положении) Королевства Саудовской Аравии 1992 г. в ст. 44 устанавливаются судебная, исполнительная и законодательная власти. При исполнении своих полномочий ветви власти взаимодействуют в соответствии с данным и другими положениями. Высшей инстанцией для всех видов власти является король, он же является председателем Совета министров [5].

Известный российский ученый Л. А. Окуньков говорит, что Президент Российской Федерации не исключен из системы разделения властей

[13, с. 7]. Хотя, А. А. Окуньков склоняется к тому, что Президент РФ относится к сфере исполнительной власти [7, с. 71].

В классической президентской республике (например, в США) президент – одновременно глава государства и глава исполнительной власти. В качестве первого он обладает полномочиями, выходящими за пределы исполнительной власти (право вето, назначение судей и т. д.).

Наиболее отчетливо видны различия между положением главы государства и исполнительной властью в некоторых «смешанных» формах правления, в частности в президентско-парламентарной республике. На примере России и Франции видно, что при такой системе нет равенства, доминирует президент (по полномочиям, закрепленным в конституциях). Да и положение президента в такой республике нельзя свести только к исполнительной деятельности. Это отчетливо видно на примере России.

Таким образом, резюмируя, в ст. 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации определен как глава государства [1; 10, с. 206–209] и он занимает в системе федеральных государственных органов особое положение. Конституция РФ возлагает на него задачу обеспечения единства государственной власти, осуществляемой законодательными, исполнительными и судебными органами. Именно Президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, хотя сам он непосредственно не принадлежит ни к одной из трех ветвей власти. В этом, в частности, смысл содержащегося в Конституции положения: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина». Президент определяет основные направления политики российского государства, формулирует основные задачи государства в различных сферах государственной и общественной жизни, предлагает различные способы достижения целей российского государства, решения разнообразных задач в экономической, политической, социальной, духовной сферах жизни общества.

Именно как глава государства, Президент Российской Федерации наделен правом обращаться с ежегодными посланиями к федеральному законодательному органу, правом законодательной инициативы и отлагательного вето [10, с. 206].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // www.consultant.ru

2. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (утратил силу) // www.consultant.ru

3. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // www.consultant.ru

4. Временная конституция Китайской Республики 1912 года // <https://world-constitutions.ru/?p=569>

5. Конституция Сауд Аравия (Основной низам (Положение) Королевства Саудовской Аравии) 1992 г. // <https://worldconstitutions.ru/?p=86>

6. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1999 года // <https://worldconstitutions.ru/?p=1090>
7. Автономов А. С. Избирательная власть. – М., 2002. – 82 с.
8. Баренбойм П. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. – М., 2013. – 285 с.
9. Калинин, А. М. Характеристика правового статуса главы государства / А.М. Калинин. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2010. – № 12 (23). – Т. 1. – С. 224–226. – URL: <https://moluch.ru/archive/23/2420/>
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
11. Кондрашов А.А. Суперпрезидентская республика в России: миф или реальность? // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 6. С. 34–42.
12. Обзор изменений Конституции РФ // <https://base.garant.ru/77399046/>
13. Ожуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. – М., 1996. – 240 с.
14. Mollers C. Gewaltengliederung. Legitimation und Dogmatik innationalen und internationalen Rechtsvergleich. Tübingen, 2015.

Для цитирования: Майоров И.И. Глава государства в системе разделения властей: российский и зарубежный опыт: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 2. – С. 74–79.
DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.074

The head of state in the system of separation of powers: Russian and foreign experience

Ivan I. Mayorov *

Annotation. The article discusses the place and role of the institution of the presidency in the system of public authorities, analyzes the individual powers of the president as head of state, and considers specific examples of the exercise of his powers. Based on the theory of separation of powers, it is determined to which branch of government the head of state belongs.

Key words: head of state, president, branches of government, powers of the head of state, system of authorities, legal regulation, system of separation of powers, constitutions.

The institution of the head of state appeared, probably, simultaneously with the emergence of the state itself. From ancient times to the present day, this institution has constantly evolved: from elders, princes, despots to modern kings, emperors, presidents. The institution of the head of state is found in almost all politically organized countries. State law gives him many functions and powers, prerogatives and privileges, the specific set of which depends on the status of the head of state, the form of government. The head of state is usually a person who occupies the highest place in the hierarchy of state posi-

---

* *Mayorov Ivan Ivanovich*, post-graduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law (St. Petersburg), Master of Laws. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

tions and exercises supreme representation, both in domestic political life and in the international arena [9].

The head of state in the Russian Federation forms the government, has the right to dismiss ministers and dismiss the government, appoint judges, grant citizenship and the right of asylum, conclude and ratify international agreements, appoint diplomatic representatives, award, pardon convicts, etc., but the exercise of these powers in practice depends on the form of government, on the real position of the head of state.

It seems that the Russian form of government, despite certain features that bring it closer to the presidential model, cannot be attributed to the latter. Formally, the President, according to the Constitution of Russia, is not called the head of the executive branch, but in accordance with Art. 1 of the Federal Constitutional Law of December 17, 1997 No. 2-FKZ "On the Government of the Russian Federation" (repealed), it was the Government of the Russian Federation that was the highest executive body in the country [2].

The current Federal Constitutional Law No. 4-FKZ dated November 6, 2020 "On the Government of the Russian Federation" states that the executive power of the Russian Federation is exercised by the Government of the Russian Federation and other federal executive bodies in accordance with the structure of federal executive bodies under the general leadership the President of the Russian Federation, as well as the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation [3].

The President of the Russian Federation, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, ensures the coordinated functioning and interaction of the Government of the Russian Federation and other bodies that are part of a single system of public authority. He has the right to chair meetings of the Government of the Russian Federation and meetings of the Presidium of the Government of the Russian Federation, to approve, at the suggestion of the Chairman of the Government of the Russian Federation, the structure of federal executive bodies and to make changes to it.

Moreover, it is the President of the Russian Federation who determines in the structure of the federal executive bodies the bodies, the management of which is carried out by the President of the Russian Federation, and the bodies, the management of which is carried out by the Government of the Russian Federation [3].

In other words, the analysis of the powers of the President (appointment and resignation of ministers, chairmanship at Government meetings, repeal of acts of the Government, etc.) indicates that in reality the Government is a body more accountable to the head of state [11, p. 40].

According to Art. 80 of the Constitution of the Russian Federation, "The President of the Russian Federation is the guarantor of the Constitution of the Russian Federation, the rights and freedoms of man and citizen. In accordance with the procedure established by the Constitution of the Russian Federation, he takes measures to protect the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity, maintains civil peace and harmony in the country, ensures the coordinated functioning and interaction of bodies that are part of a single system of public power" [1; 10, p. 206–209].

Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 introduce additional requirements and restrictions for the President of the Russian Federation. In the new edition of Part 2 of Art. 81 of the Constitution of the Russian Federation, the period of permanent residence in the Russian Federation, necessary for a Russian citizen to be elected President of the Russian Federation, has been increased – now it is 25 years (previously this period was 10 years). New requirements have been introduced: now a citizen who does not have and did not have the citizenship of a foreign state can now be elected President of the Russian Federation [1; 10, p. 206–209].

This requirement does not apply to citizens who previously had the citizenship of a state that was accepted or part of which was admitted to the Russian Federation in accordance with the federal constitutional law, and who permanently resided in such territory. This reservation allows citizens residing in Crimea, as well as in the territory of the Donetsk and Luhansk People's Republics, Zaporozhye and Kherson regions, newly admitted to Russia, to be elected to the post of President of the Russian Federation.

In addition, a presidential candidate must not have a residence permit or other document confirming the right to permanent residence in the territory of a foreign state. The President of the Russian Federation, in the manner prescribed by federal law, is prohibited from opening and maintaining accounts (deposits), keeping cash and valuables in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation [12].

It should be noted that under any form of government, some powers can be exercised by the head of state independently, while others require the consent and approval of the parliament (for example, to appoint ambassadors to the United States) or even the government (in a parliamentary republic). In parliamentary republics and monarchies, and sometimes in semi-presidential republics, in order for some acts of the president or monarch to be valid, the prime minister must affix them with his signature (countersignature).

Modern researchers note that the doctrine of the separation of powers "has deep historical roots" [8, p. 5]. The prototype of this idea is contained in the works of ancient Greek philosophers (Plato, Aristotle).

The countries of Muslim fundamentalism also have their own approach to the issue of power, where it is believed that all power belongs to Allah, and he has undivided universal sovereignty, and people, state bodies (including the head of state, who is regarded as the head of the ummah – the community of the faithful) only fulfill the will of Allah.

At present, in the scientific literature one can also find such opinions of scientists that in fact there is no separation of powers. For example, the famous German professor K. Mellers says that, firstly, the term "separation" itself (usually English, and French – "separation", "division", German – "Teilung", "Einteilung", "Verteilung", everywhere the root is the word "part") can mean anything from "separation" to "delimitation". Secondly, it is common knowledge that state power is not divided. Instead of the words "separation of powers", the phrase "organization of powers" is proposed and it is necessary to build a new system based on the legitimation of state power [14].

Since the separation of powers is still recognized, we need to find out – to which branch of state power does the head of state belong? To begin with, let's define: what is a branch of government? For the first time, the definition of the branch of power was proposed by A.S. Avtonomov in his work “Electoral Power”. He writes: “A branch of state power is understood as one or more state bodies that form, within the framework of a single mechanism for exercising power, an independent system that is endowed with authority to perform its inherent functions” [7, p. 74–75].

For the first time, an indication of the division of powers appeared in the Provisional Constitution of the Republic of China in 1912 [4]. In Art. 4, it was established that the administration of the Republic of China would be carried out through the National Assembly, the Provisional President, the Cabinet of Ministers and the Judicial Chamber. The actual four branches of government were established.

In addition to the three traditional ones, these were examination (mainly for the selection of persons for civil service) and control (state control) authorities. However, this constitution, due to a military coup, did not actually operate; its restoration in 1925–1927 also did not bring significant results. Its provisions on the branches of power were not implemented organizationally (by creating new types of bodies in practice).

The names of the new branches then appeared in the constitutions of some Latin American countries. The 1999 Venezuelan Constitution adds a fifth power to this list [6]. In Art. 136, when listing the branches of government, it is called a system for the protection of human rights, but in Ch. 5, devoted to this branch of power, and in the title and in the texts of several articles (Art. 273 et seq.) speak of civil power. It follows from the text of these articles that it is not only about the protection of human rights. The powers of this branch of state power are more extensive.

Article 273 of the Venezuelan Constitution establishes that civil power is independent, and the bodies exercising it (the Moral Council and its local bodies, which include representatives of the Defender of the People, the Attorney General and the Comptroller General), are obliged to prevent and investigate cases of infringements by “state and administrative mechanisms” on the norms of morality and morality and punish for this (i.e. this branch of government, its bodies have the right to apply certain forms of responsibility), monitor the proper administration and lawful use of public property, as well as, in particular, strive to consolidate the principles of civic duty, solidarity, freedom, democracy, social justice, creative work, encourage activities aimed at studying the Constitution, fostering love for the motherland, respect for the dignity of citizens, democracy, human rights [6].

In the Basic Nizam (Regulation) of the Kingdom of Saudi Arabia of 1992, Art. 44 establish the judicial, executive and legislative powers. In the exercise of their powers, the branches of government interact in accordance with this and other provisions. The highest authority for all types of power is the king, he is also the chairman of the Council of Ministers [5].

The well-known Russian scientist L. A. Okounkov says that the President of the Russian Federation is not excluded from the system of separation of

powers [13, p. 7]. Although, L. A. Okounkov is inclined to believe that the President of the Russian Federation belongs to the sphere of executive power [7, p. 71].

In a classical presidential republic (for example, in the USA), the president is both the head of state and the head of the executive branch. As the first, he has powers that go beyond the limits of the executive branch (veto power, appointment of judges, etc.).

The differences between the position of head of state and executive power are most clearly visible in some "mixed" forms of government, in particular in a presidential-parliamentary republic. The example of Russia and France shows that under such a system there is no equality, the president dominates (in terms of powers enshrined in the constitutions). And the position of the president in such a republic cannot be reduced only to executive activity. This is clearly seen in the example of Russia.

Thus, in summary, Art. 80 of the Constitution of the Russian Federation, the President of the Russian Federation is defined as the head of state [1; 10, p. 206–209] and it occupies a special position in the system of federal state bodies. The Constitution of the Russian Federation entrusts it with the task of ensuring the unity of state power, exercised by legislative, executive and judicial bodies. It is the President who ensures the coordinated functioning and interaction of state authorities, although he himself does not directly belong to any of the three branches of power. This, in particular, is the meaning of the provision contained in the Constitution: "The President of the Russian Federation is the guarantor of the Constitution of the Russian Federation, the rights and freedoms of man and citizen." The President determines the main directions of the policy of the Russian state, formulates the main tasks of the state in various spheres of state and public life, and offers various ways to achieve the goals of the Russian state, solve various problems in the economic, political, social, spiritual spheres of society.

It is as the head of state that the President of the Russian Federation has the right to address annual messages to the federal legislative body, the right to legislative initiative and a suspensive veto [10, p. 206].

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation // Adopted by popular vote on December 12, 1993 with changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // www.consultant.ru
2. Federal constitutional law of December 17, 1997 No. 2-FKZ "On the Government of the Russian Federation" (repealed) // www.consultant.ru
3. Federal constitutional law dated November 6, 2020 No. 4-FKZ "On the Government of the Russian Federation" // www.consultant.ru
4. Interim Constitution of the Republic of China of 1912 // <https://worldconstitutions.ru/?p=569>
5. The Constitution of Saud Arabia (Basic Nizam (Regulations) of the Kingdom of Saudi Arabia) 1992 // <https://worldconstitutions.ru/?p=86>

6. Constitution of the Bolivarian Republic of Venezuela 1999 // <https://worldconstitutions.ru/?p=1090>
7. Avtonomov A. S. Electoral power. Moscow, 2002. 82 p.
8. Barenboim P. 3000 years of the doctrine of separation of powers. Suiter's Court. Moscow, 2013. 285 p.
9. Kalinin, A.M. Characteristics of the legal status of the head of state / A.M. Kalinin. Text: direct // Young scientist. 2010. No. 12 (23). T. 1. P. 224–226. // URL: <https://moluch.ru/archive/23/2420/>
10. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 3rd ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 333 p. (Series: Professional Comments).
11. Kondrashov A.A. Superpresidential republic in Russia: myth or reality? // Bulletin of the University. O.E. Kutafin. 2018. No. 6. P. 34–42.
12. Review of amendments to the Constitution of the Russian Federation // <https://base.garant.ru/77399046/>
13. Okunkov L. A. President of the Russian Federation. Constitution and political practice. Moscow, 1996. 240 p.
14. Mollers C. Gewaltengliederung. Legitimation und Dogmatik imnationalen und internationalen Rechtsvergleich. Tübingen, 2015.

For citation: Mayorov I.I. The Head of State in the System of Separation of Powers: Russian and Foreign Experience: Article // Legal Thought. 2023. No. 2. P. 79–84.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.074

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.085

КИБЕРСТАЛКИНГ КАК НОВЫЙ ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В.В. Базака*

Аннотация. В статье рассматриваются такие явления как stalking вообще, так и stalking в интернете (киберstalking). Автор предлагает установить уголовную ответственность за такое поведение, представляющее собой преследование и домогательство через интернет или другие электронные средства связи.

Ключевые слова: stalking, киберstalking, преступление, личная информация, интернет, компьютерная информация.

Сtalking в интернете (киберstalking) – это преследование и домогательство через интернет или другие электронные средства связи, такие как телефоны, социальные сети, электронная почта и т.д. Он может включать в себя постоянное контактирование, угрожающие сообщения, незаконное использование личной информации, публикацию фотографий без разрешения и прочее. Это вирусное поведение, которое может привести к серьезным последствиям для жертвы, включая психологические травмы, потерю конфиденциальности, нарушение личной жизни, потерю работы, и другое.

Stalking в интернете – это угроза той среде, которую мы делим со своими близкими, коллегами и друзьями, и должен быть рассмотрен очень серьезно и наказан самым строгим образом. Целью stalkера может быть контроль над жертвой, отмщение или месть за что-либо [4, с. 20].

Киберstalking опасен тем, что он может привести к нарушению личной жизни и безопасности человека, а также к психологическому давлению и дискредитации. Жертвы киберstalkingа могут столкнуться с незаконным доступом к личной информации, такой как адрес и номер телефона, что может привести к распространению порочащих сведений о человеке,

---

* **Базака Виктория Владимировна**, студентка 4 курса (бакалавриат) Юридического факультета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». E-mail: viktoriabazaka@yandex.com

Научный руководитель – **Гулина Светлана Николаевна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». E-mail: s.gulina@donnu.ru

умалению хорошей репутации путем шантажа или угрозами насилия. Киберсталкинг также может повлиять на психическое здоровье человека, который может почувствовать себя незащищенным и параноидальным в результате непрерывных наблюдений и домогательств.

Киберсталкинг является преступлением в большинстве стран мира, включая Россию. В России киберсталкинг официально был признан уголовным преступлением в 2017 году.

Согласно статье 149.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], киберсталкинг – это незаконное получение, использование или распространение компьютерной информации, совершаемое с использованием интернета или иных средств связи. За совершение киберсталкинга в России предусмотрено уголовное наказание в виде штрафа до 500 тысяч рублей, либо исправительных работ на срок до одного года, либо ареста на срок до шести месяцев, либо лишения свободы на срок до четырех лет.

В XXI веке необходимо особое внимание уделять безопасности своим личным данным. Для этого необходимо:

- не размещать личные данные в интернете: не указывать свой домашний адрес, номер телефона, электронную почту или место работы в открытых источниках;
- установить на свой компьютер антивирусное программное обеспечение и обновлять его регулярно;
- убедиться, что на всех устройствах установлены надежные пароли. Не давать свои личные данные своим подписчикам;
- не отвечать на незнакомые сообщения и не добавлять незнакомых людей в свои контакты;
- если вы обнаружили, что кто-то преследует вас онлайн, немедленно сообщить об этом в социальных сетях и связаться с правоохранительными органами;
- создать отдельный адрес электронной почты для онлайн-активности, чтобы не давать свой настоящий адрес другим людям [5, с. 48];
- по возможности использовать услуги, которые скрывают ваше настоящее местоположение в интернете;
- изучить положения о конфиденциальности сайтов и приложений, которые вы используете, чтобы понимать, как они обрабатывают вашу информацию;
- Никогда не раскрывать свои личные данные или номера кредитных карт онлайн [6].

Безусловно, аналогично реальной жизни, прекращение нарушения личной жизни в пространстве интернета может оказаться хлопотным, однако, на основании научных исследований, доказана возможность достижения данной цели. Актуальным является раскрытие эффективных стратегий решения проблемы, о которых следует упомянуть следующие.

Как и в реальной жизни, победить сталкинг в интернете может быть сложно, но возможно. Вот несколько советов.

Не обращайте внимания на стalkerские действия. Старайтесь не отвечать на сообщения и комментарии, не принимать звонки от незнакомых номеров, не открывать сообщения от незнакомцев.

Сообщите об этом своим близким. Расскажите друзьям и родственникам о проблеме, чтобы они были в курсе ситуации и могли помочь, если что-то случится.

Сообщите в социальные сети. Если вы получаете стalkerские сообщения, вы можете сообщить о проблеме в социальной сети, которую вы используете. Некоторые социальные сети, предлагают инструменты для блокировки и удаления нежелательных сообщений и комментариев.

Защитите свои личные данные. Никогда не давайте свой номер телефона, адрес электронной почты или другую личную информацию незнакомцам.

Обратитесь за помощью к полиции. Если сталкинг стал серьезной проблемой, и вы не можете справиться самостоятельно, обратитесь за помощью к полиции. Они смогут провести расследование и вынести приговор виновным.

Киберсталкер может быть вычислен полицией при помощи следующих методов.

1. Анализ жертвы: полиция может использовать информацию, предоставленную жертвой, чтобы вычислить киберсталкера. Это может включать неправомерные вторжения в ее приватную информацию, злоупотребления социальными сетями и электронную почту.

2. IP-адрес: киберсталкеры часто используют анонимайзеры, чтобы скрыть свой IP-адрес. Однако полиция может использовать технологии трассировки IP-адресов, чтобы проследить за киберсталкером.

3. Мониторинг социальных сетей: киберсталкеры часто используют социальные сети как средство для преследования жертв. Полиция может перехватить информацию, которую киберсталкер постит в социальных сетях, чтобы выяснить его местонахождение и идентифицировать его.

4. Сотрудничество со специалистами по кибербезопасности: полиция может работать с различными кибербезопасными компаниями, чтобы идентифицировать киберсталкеров, использующих наиболее распространенные методы и инструменты.

5. Мониторинг онлайн-комментариев: киберсталкеры могут использовать онлайн-комментарии для нахождения жертв или для угроз. Полиция может просматривать комментарии и использовать их для изучения ситуации [2, с. 56].

Важно отметить, что вычисление киберсталкера может быть сложным и требует бережного анализа целого ряда данных.

На наш взгляд, необходимо улучшить законодательство Российской Федерации в области киберсталкинга. Вот несколько предложений:

Необходимо, ужесточить наказание за киберсталкинг. Добавить в Уголовный кодекс Российской Федерации новую статью, которая предусматривала бы уголовное наказание за киберпреступления. Наказания должны быть жесткими и справедливыми.

В дальнейшем необходимо, специализировать судебные органы для рассмотрения дел, связанных с киберсталкингом. Такие суды должны располагать квалифицированным персоналом и достаточными ресурсами для обработки информации и проведения экспертиз.

Принять законодательство о защите конфиденциальных данных. Предполагается, что все данные о пользователе будут считаться конфиденциальными и могут использоваться только с его согласия. Наказания за нарушение будут крайне жесткими.

Развивать технические средства защиты от киберсталкинга. Необходима поддержка специалистов, которые смогут обеспечить создание и совершенствование средств защиты.

Работать с международными правительственными организациями, чтобы развивать сотрудничество в этой области. Например, партнерство с международными организациями по борьбе с киберпреступностью поможет России повысить свой уровень компетенции и защитить своих пользователей [8, с. 35].

В конечном итоге, борьба с киберпреступностью является непрерывным и комплексным процессом, требующим совместных усилий правительств, компаний, общественности и экспертов в области кибербезопасности. Технологический прогресс и новые угрозы заставляют нас постоянно совершенствовать существующие методы и разрабатывать новые, более эффективные стратегии. Однако, понимание необходимости защиты своих цифровых активов, в том числе персональных данных, и внедрение элементарных мер безопасности в повседневной жизни являются первым и основным шагом в борьбе с киберпреступностью.

Важно помнить, что все мы играем ключевую роль в этом процессе, и наша ответственность в защите кибербезопасности не ограничивается только уровнем наших знаний и компетенций, но также и нашими ценностями и мировоззрением.

Библиографический список

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) // www.consultant.ru
2. Белоусов А. Д. Угрозы сети. Интернет для несовершеннолетних пользователей: психологический анализ и профилактика. – М.: Проспект, 2019. – С. 80.
3. Краснова К. А., Ережипалиев Д. И. Противодействие кибербуллицу как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 3 (82). – С. 78–84.
4. Краснова К. А., Агапов П. В. Психологическое воздействие и его значение в оперативно-розыскной деятельности по делам об организованной преступности // Юридическая психология. – 2014. – С. 19–23.
5. Нестерович С. А. Проблемы расследования киберпреступлений, которые стоят перед сотрудниками следственных органов // Вестник науки и образования. – 2018. – № 8 (44). – С. 46–50.
6. Солдатова Г.У. Интернет: возможности, компетенции, безопасность. Методическое пособие для работников системы общего образования. Лекции / Г. Солдатова, Е. Зотова, М. Лебешева, В. Шляпников. – М.: Центр книжной культуры «Гутенберг», 2013. – Ч. 1. – 165 с.
7. Что такое stalking?: статья // <https://narcorehab.com/articles/stalking-cto-eto-i-kak-raspoznat-stalkera/>

8. Шаров А. А. Методика изучения девиантной активности в реальной и виртуальной среде // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Академия образования. Психология развития. – 2019. – Т. 8. – Вып. 1 (29). – С. 30–37.

Для цитирования: Базака В.В. Киберсталкинг как новый вид преступления: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 2 (130). – С. 85–89.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.085

Cyberstalking as a new type of crime

Victoria V. Bazaka *

Annotation. The article deals with such phenomena as stalking in general and stalking on the Internet (cyberstalking). The author proposes to establish criminal liability for such behavior, which constitutes stalking and harassment through the Internet or other electronic means of communication.

Key words: stalking, cyberstalking, crime, personal information, internet, computer information.

Stalking (from the English “to stalk” – to pursue) is an obsessive behavior that prevents a person from living, and even inspires fear. Moreover, any person can be a stalker, even a subscriber in social networks [7]. Stalking is the repeated stalking or imposing of one's presence on someone, usually another person. This phenomenon goes beyond normal behavior and can take various forms, such as physical harassment, intrusive calls, messages, emails, surveillance [3, p. 80].

Internet stalking (cyberstalking) is harassment and harassment through the Internet or other electronic means of communication such as telephones, social networks, e-mail, etc. It may include constant contact, threatening messages, illegal use of personal information, posting photos without permission, and more. This is a viral behavior that can lead to serious consequences for the victim, including psychological trauma, loss of privacy, violation of privacy, loss of job, and more.

Internet stalking is a threat to the environment we share with our loved ones, colleagues and friends and should be taken very seriously and punished in the most severe manner. The goal of a stalker can be control over the victim, revenge or revenge for something [4, p. 20].

Cyberstalking is dangerous because it can lead to a violation of a person's personal life and security, as well as to psychological pressure and discredit. Victims of cyberstalking may be faced with illegal access to personal information such as address and phone number, which can lead to the spread of defamatory information about a person, the destruction of a good reputation through blackmail, or threats of violence. Cyberstalking can also affect a person's mental health, who may feel insecure and paranoid as a result of continuous surveillance and harassment.

---

* **Bazaka Victoria Vladimirovna**, 4th year student (Bachelor's degree) of the Faculty of Law of "Donetsk State University". E-mail: viktoriabazaka@yandex.com

Supervisor – **Gulina Svetlana Nikolaevna**, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure, "Donetsk State University". E-mail: s.gulina@donnu.ru

Cyberstalking is a crime in most countries of the world, including Russia. In Russia, cyberstalking was officially recognized as a criminal offense in 2017.

According to article 149.1 of the Criminal Code of the Russian Federation [1], cyberstalking is the illegal receipt, use or distribution of computer information, committed using the Internet or other means of communication. Cyberstalking in Russia is punishable by a fine of up to 500 thousand rubles, or correctional labor for up to one year, or arrest for up to six months, or imprisonment for up to four years.

In the 21st century, it is necessary to pay special attention to the security of your personal data. For this you need:

- do not post personal data on the Internet: do not disclose your home address, phone number, e-mail or place of work in open sources;
- install anti-virus software on your computer and update it regularly;
- make sure that strong passwords are set on all devices. Do not give your personal data to your subscribers;
- do not reply to unfamiliar messages and do not add strangers to your contacts;
- if you find that someone is stalking you online, immediately report it on social networks and contact law enforcement;
- create a separate e-mail address for online activity in order not to give your real address to other people [5, p. 48];
- whenever possible, use services that hide your real location on the Internet;
- review the privacy statements of the sites and applications you use to understand how they handle your information;
- never disclose your personal information or credit card numbers online [6].

Of course, just like in real life, stopping privacy violations on the Internet can be troublesome, but based on scientific research, it has been proven that this goal can be achieved. Relevant is the disclosure of effective strategies for solving the problem, which should be mentioned the following.

As in real life, defeating online stalking can be difficult, but possible. Here are some tips.

Pay no attention to stalker actions. Try not to reply to messages and comments, do not receive calls from unknown numbers, and do not open messages from strangers.

Tell your loved ones about this. Tell friends and family about the problem so that they are aware of the situation and can help if something happens.

Report to social networks. If you are receiving stalker messages, you can report the problem on the social network you use. Some social networks offer tools to block and remove unwanted messages and comments.

Protect your personal data. Never give your phone number, email address, or other personal information to strangers.

Seek help from the police. If stalking has become a serious problem and you cannot handle it on your own, seek help from the police. They will be able to investigate and pronounce judgment on the guilty.

A cyberstalker can be detected by the police using the following methods.

1. Victim Analysis: The police can use the information provided by the victim to track down the cyberstalker. This may include unauthorized intrusions into her private information, abuse of social media and email.

2. IP address: cyberstalkers often use anonymizers to hide their IP address. However, the police can use IP tracing technologies to track a cyberstalker.

3. Social Media Monitoring: Cyberstalkers often use social media as a means to harass victims. The police can intercept the information that the cyberstalker posts on social networks in order to find out his whereabouts and identify him.

4. Collaborate with cybersecurity professionals: The police can work with various cybersecurity companies to identify cyberstalkers using the most common methods and tools.

5. Monitoring online comments: cyberstalkers can use online comments to find victims or threaten. The police can view the comments and use them to study the situation [2, p. 56].

It is important to note that computing a cyberstalker can be complex and requires careful analysis of a range of data.

In our opinion, it is necessary to improve the legislation of the Russian Federation in the field of cyberstalking. Here are some suggestions:

It is necessary to toughen the punishment for cyberstalking. Add a new article to the Criminal Code of the Russian Federation that would provide for criminal penalties for cybercrime. Punishments must be harsh and fair.

In the future, it is necessary to specialize the judiciary to deal with cases related to cyberstalking. Such courts should have qualified personnel and sufficient resources to process information and conduct examinations.

Adopt privacy laws. It is assumed that all data about the user will be considered confidential and can only be used with his consent. Penalties for violations will be extremely severe.

Develop technical means of protection against cyberstalking. We need the support of specialists who can ensure the creation and improvement of protective equipment.

Work with international government organizations to develop cooperation in this area. For example, partnership with international organizations to combat cybercrime will help Russia improve its level of competence and protect its users [8, p. 35].

Ultimately, the fight against cybercrime is an ongoing and complex process that requires the combined efforts of governments, companies, and the public and cybersecurity experts. Technological progress and new threats force us to constantly improve existing methods and develop new, more effective strategies. However, understanding the need to protect your digital assets, including personal data, and implementing basic security measures in everyday life is the first and main step in the fight against cybercrime.

It is important to remember that we all play a key role in this process, and our responsibility to protect cybersecurity is not limited to our level of knowledge and competencies, but also to our values and worldview.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on June 13, 2023) (as amended and supplemented, effective from June 24, 2023) // www.consultant.ru
2. Belousov A. D. Threats to the network. Internet for underage users: psychological analysis and prevention. Moscow: Prospekt, 2019. P. 80.
3. Krasnova K. A., Erezhipaliev D. I. Counteracting cyberbully as a means of preventing juvenile suicide // *Yurist-Pravoved*. 2017. No. 3 (82). Pp. 78–84.
4. Krasnova K. A., Agapov P. V. Psychological impact and its significance in the operational-search activity in cases of organized crime // *Yurid. psychology*. 2014. P. 19–23.
5. Nesterovich S. A. Problems of investigating cybercrime faced by employees of the investigating authorities // *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2018. No. 8 (44). Pp. 46–50.
6. Soldatova G.U. Internet: opportunities, competencies, security. Methodical manual for employees of the general education system. Lectures / G. Soldatova, E. Zotova, M. Lebesheva, V. Shlyapnikov. Moscow: Gutenberg Center for Book Culture, 2013. Part 1. 165 p.
7. What is stalking?: article // <https://narcorehab.com/articles/stalking-ctoeto-i-kak-raspoznat-stalkera/>
8. Sharov A. A. Methods of studying deviant activity in a real and virtual environment // *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Acmeology of Education. Psychology of development*. 2019. Vol. 8. Issue. 1 (29). Pp. 30–37.

For citation: Bazaka V.V. Cyberstalking as a new type of crime: an article // *Legal Thought*. 2023. No. 2 (130). P. 89–92.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.085

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.093

Уголовная ответственность за повышение тарифов в жилищно-коммунальном хозяйстве

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В данной публикации обращается внимание на проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, приобретающие наибольшую социальную остроту. Отдельное внимание уделяется росту тарифов ЖКХ. Особое внимание обращается на неуклонно возрастающую преступную деятельность экономической направленности и коррупционного характера в жилищно-коммунальном хозяйстве. На примере Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. предлагается ввести уголовную ответственность в отношении должностных лиц, необоснованно повышающих тарифы в жилищно-коммунальной сфере.

Ключевые слова: мера уголовно-правового воздействия; предупреждение преступной деятельности; уголовное законодательство; наказание; жилищно-коммунальное хозяйство; коррупционная деятельность; тарифы; аффилированность.

одним из современных проблем российского общества и государства является проблема в жилищно-коммунальной сфере, приобретающая в последнее время наиболее острый социальный характер. Практически во всех регионах встает вопрос о повышении тарифов за предоставленные услуги жилищно-коммунальным хозяйством [1].

Наибольшую остроту проблема завышения тарифов в ЖКХ приобретает в связи с ее перерастанием в преступную плоскость [2].

Все более часто преступная деятельность в жилищно-коммунальном хозяйстве имеет тесную связь с коррупционной деятельностью. Встречается множество примеров коррупционности, выраженной в аффилированности должностных лиц органов власти с организациями ЖКХ [3]. Проблема в жилищно-коммунальной сфере только усугубляется в связи отсутствием мер правового воздействия, включая необоснованное повышение тарифов, нагнетая социальную напряженность в обществе.

В одном из своих обращений жители Санкт-Петербурга поставили вполне резонный вопрос: «Почему в СССР 50 лет цена на воду и электричество не поднималась, но при этом всё очищалось и ремонтировалось?» [4].

Существенным фактором, способствующим стабильному функционированию сферы жилищно-коммунального хозяйства, существовавшим в Со-

---

* **Гареев Марат Фаизович**, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

ветском Союзе, можно назвать сформировавшуюся годами четкую систему организации государственного обеспечения предоставляемых гражданам услуг в рассматриваемой сфере, а также неотвратимости наступления ответственности за совершенные правонарушения и преступления. Одним из действенных мер уголовно-правового воздействия, направленных на предупреждение преступной деятельности в жилищно-коммунальной сфере, можно назвать ст. 135 УК РСФСР 1922 г., установившую уголовную ответственность за взимание квартирной платы за жилище с рабочих и государственных служащих выше установленного Советом Народных Комиссаров размера, а равно выселение из жилища рабочих и государственных служащих иначе как по приговору суда [5]. Рассматривая санкцию за совершение данного преступного деяния, можно отметить, что она не обладала значительным карательным потенциалом, поскольку наказывалось принудительными работами на срок не ниже шести месяцев и штрафом.

Установление уголовной ответственности в тот исторический период за злоупотребление в сфере жилищно-коммунального хозяйства объясняется попыткой советской бюрократии установить повышенные тарифы коммунальных услуг, скрыть допущенные ошибки в своей деятельности или даже скрыть допущенные злоупотребления. Данная мера уголовно-правового воздействия в виде установления уголовной ответственности за повышение тарифов за оказание коммунальных услуг сыграла положительную роль, отбив у советской бюрократии надолго решать проблемы в жилищно-коммунальной сфере посредством обращения к примитивным способам их разрешения. На это обстоятельство указывает УК РСФСР 1926 г., в которой подобная мера ответственности уже отсутствовала.

К сожалению, в современном российском обществе проблема в жилищно-коммунальной сфере приобрела наибольшую остроту, поэтому назрела необходимость ее разрешения посредством мер уголовно-правового воздействия, поскольку иные меры правового воздействия не решают проблему, которая может представлять потенциальную опасность для нашего общества и государства. В настоящее время проблема в жилищно-коммунальном хозяйстве только усугубляется, поскольку с регулярностью выявляются факты, являющиеся как преступными деяниями, так и служащие благоприятной почвой для преступной деятельности.

На фоне масштабных злоупотреблений в сфере ЖКХ, включая преступные действия, на современном этапе возникает необходимость защиты социальных благ посредством мер уголовно-правового воздействия, поэтому предлагается авторское предложение об установление уголовной ответственности за необоснованное повышение тарифов для предупреждения преступной деятельности и снижение социальной напряженности в обществе.

Уголовную ответственность за необоснованное завышение тарифов и коммунальных платежей в сфере ЖКХ предлагается закрепить в ст. 145.2 УК РФ. В ч. 1 предлагаемой нормы предлагается установить ответственность за систематическое (более трех раз) начисление квартирной платы в совокупной сумме, превышающей пять тысяч рублей. Установление вышеуказанной суммы связано со значительностью причиненного ущерба, как это закреплено в положении ч. 2 примечания к ст. 158 УК РФ, поскольку в современных со-

циально-экономических условиях для большинства наших граждан, особенно для пенсионеров, причинение материального ущерба в подобном размере приводит на грань нищеты. Субъектом преступления должно стать не только лицо, осуществляющее расчет коммунальных платежей, но и руководитель управляющей компании. Соответствующие разъяснения предлагается внести в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными преступлениями и о превышении должностных преступлений».

В качестве меры уголовно-правового воздействия за совершение данного преступного деяния предлагается установить наказание в виде штрафа в размере до ста тысяч рублей или в иного дохода осужденного за период до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до одного года либо без такового.

В качестве отдельного состава в ч. 2 ст. 145.2 УК РФ предлагается также установить уголовную ответственность в отношении должностных лиц, необоснованно завышающих тарифы в сфере ЖКХ. Наказанием за совершение этого деяния должен стать штраф в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо лишение свободы до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Установление уголовной ответственности за совершение такого рода деяния, которое должно, по мнению автора, признаваться преступным, будут способствовать как снятию социальной напряженности в обществе, поскольку под уголовно-правовую защиту будут взяты одно из жизненно важных благ общества, так и предупредительным задачам уголовного законодательства, закрепленным в ст. 2 УК РФ, посредством применения мер уголовно-правового воздействия в виде санкций, которые автор предлагает закрепить в вышеупомянутой норме уголовного закона.

Библиографический список

1. См. напр.: В Петербурге повышают тарифы на услуги ЖКХ [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://www.rbc.ru/sbp_sz/17/12/2020/5fdb03429a79466e33558d2?ysclid=1733eb1k1p403124327. – (дата обращения – 30.08.2022); Рост тарифов ЖКХ в Петербурге в 2022 г. может стать самым высоким за пять лет [Электронный ресурс]. //Режим доступа: <https://vedomosti-spb.ru/economics/articles/2021/11/09/895040-rost-tarifov-zhkk?ysclid=11733e1v71j611959637>. – (дата обращения – 30.08.2022).

2. См. напр.: Экономические преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: <https://70.mvd.rf/news/item/18482466> – (дата обращения – 30.08.2022).

3. См. напр.: Коррупция в сфере ЖКХ: кто и как борется с нарушениями управляющих компаний. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: <https://www.law.ru/article/24623-korruptsiya-v-sfere-gkh?ysclid=16kdg36prt288745950> – (дата обращения – 30.08.2022).

4. Петербуржцы пожаловались Беглову на рост тарифов ЖКХ. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2020/12/15/Peterburzhci_pozhalovalis?ysclid=1733sioief55580410. – (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901757375?ysclid=17ixpeh7zz296817757>. – (дата обращения – 1 сентября 2022 г.).

Для цитирования: *Гареев М.Ф.* Уголовная ответственность за повышение тарифов в жилищно-коммунальном хозяйстве: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 2 (130). – С. 93–96.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.093

Criminal liability for raising tariffs in housing and communal services

Marat F. Gareev*

Annotation. This publication draws attention to the problems in the field of housing and communal services, which are acquiring the greatest social urgency. Special attention is paid to the growth of housing and communal services tariffs. Particular attention is drawn to the steadily increasing criminal activity of an economic orientation and corruption in the housing and communal services. On the example of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, it is proposed to introduce criminal liability for officials who unreasonably increase tariffs in the housing and communal sector.

Key words: measure of criminal legal impact; prevention of criminal activity; criminal law; punishment; Department of Housing and Utilities; corrupt activities; rates; affiliation.

One of the modern problems of Russian society and the state is the problem in the housing and communal sector, which has recently acquired the most acute social character. In almost all regions, the question arises of raising tariffs for the services provided by housing and communal services [1].

The problem of overstating tariffs in the housing and communal services becomes most acute due to its development into a criminal plane [2].

Increasingly, criminal activity in housing and communal services is closely linked to corrupt activities. There are many examples of corruption, expressed in the affiliation of government officials with housing and communal services organizations [3]. The problem in the housing and communal sector is only aggravated due to the lack of legal measures, including unreasonable tariff increases, escalating social tension in society.

In one of their appeals, the residents of St. Petersburg raised a quite reasonable question: “Why in the USSR for 50 years the price of water and electricity did not rise, but at the same time everything was cleaned and repaired?” [4].

A significant factor contributing to the stable functioning of the housing and communal services sector that existed in the Soviet Union can be called a clear system of organizing state support for services provided to citizens in this area, which has been formed over the years, as well as the inevitability of

---

* **Gareev Marat Faizovich**, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

liability for offenses committed and crimes. Art. 135 of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, which established criminal liability for the collection of housing rent from workers and civil servants above the amount established by the Council of People's Commissars, as well as the eviction of workers and civil servants from the dwelling, except by a court verdict [5]. Considering the sanction for the commission of this criminal act, it can be noted that it did not have significant punitive potential, since it was punishable by forced labor for a period of at least six months and a fine.

The establishment of criminal liability in that historical period for abuse in the sphere of housing and communal services is explained by the attempt of the Soviet bureaucracy to establish increased tariffs for public services, to hide the mistakes made in their activities, or even to hide the abuses committed. This measure of criminal law influence in the form of establishing criminal liability for raising tariffs for the provision of public services played a positive role, discouraging the Soviet bureaucracy from solving problems in the housing and communal sector for a long time by resorting to primitive methods of resolving them. This circumstance is indicated by the Criminal Code of the RSFSR of 1926, in which such a measure of responsibility was already absent.

Unfortunately, in modern Russian society, the problem in the housing and communal sector has become the most acute, so there is a need to resolve it through criminal law measures, since other legal measures do not solve the problem, which may pose a potential danger to our society and state. At present, the problem in housing and communal services is only getting worse, since facts are regularly revealed that are both criminal acts and serve as fertile ground for criminal activity.

Against the backdrop of large-scale abuses in the housing and communal services sector, including criminal acts, at the present stage there is a need to protect social benefits through criminal law measures, therefore, the author's proposal is proposed to establish criminal liability for unreasonable tariff increases to prevent criminal activity and reduce social tension in society.

Criminal liability for unreasonable overstatement of tariffs and utility bills in the housing and communal services sector is proposed to be enshrined in Art. 145.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. In part 1 of the proposed norm, it is proposed to establish liability for the systematic (more than three times) accrual of rent in an aggregate amount exceeding five thousand rubles. The establishment of the above-mentioned amount is connected with the significance of the damage caused, as it is enshrined in the provision of part 2 of the note to Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, since in the current socio-economic conditions for the majority of our citizens, especially for pensioners, causing material damage in a similar amount leads to the brink of poverty. The subject of the crime should be not only the person who calculates utility bills, but also the head of the management company. Appropriate clarifications are proposed to be included in the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 15, 2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of official crimes and excess of official crimes".

As a measure of criminal law influence for the commission of this criminal act, it is proposed to establish a penalty in the form of a fine in the amount

of up to one hundred thousand rubles or other income of the convicted person for a period of up to one year with deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities for up to one year or without such.

As a separate composition in Part 2 of Art. 145.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is also proposed to establish criminal liability for officials who unreasonably raise tariffs in the housing and communal services sector. The punishment for committing this act shall be a fine in the amount of two hundred thousand to five hundred thousand rubles or in the amount of the wage or other income of the convicted person for a period of one to three years, or imprisonment for up to three years with the deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities for up to five years.

The establishment of criminal liability for the commission of such an act, which, according to the author, should be recognized as criminal, will contribute both to the removal of social tension in society, since one of the vital benefits of society will be taken under criminal law protection, and preventive tasks of criminal law, enshrined in Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, through the application of measures of criminal law in the form of sanctions, which the author proposes to enshrine in the above-mentioned norm of the criminal law.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. See, for example: Tariffs for housing and communal services are being increased in St. Petersburg [Electronic resource] // Access mode: https://www.rbc.ru/sbp_sz/17/12/2020/5fdb03429a79466e33558d2?ysclid=1733eb1k1p403124327. – (date of treatment – 08/30/2022); The growth of utility tariffs in St. Petersburg in 2022 may be the highest in five years [Electronic resource]. // Access mode: <https://vedomosti-spb.ru/economics/articles/2021/11/09/895040-rost-tarifov-zhkk?ysclid=11733e1v71j611959637>. – (date of access – 08/30/2022).

2. See for example: Economic crimes in the sphere of housing and communal services. [Electronic resource]. // Access mode: <https://70.mvd.rf/news/item/18482466> – (date of access – 08/30/2022).

3. See, for example: Corruption in the Housing and Public Utilities Sector: Who Combats Violations of Management Companies and How. [Electronic resource]. // Access mode: <https://www.law.ru/article/24623-korruptsiya-v-sfere-gkh?ysclid=16kdg36prt288745950> – (accessed 08/30/2022).

4. Residents of St. Petersburg complained to Beglov about the increase in housing and communal services tariffs. [Electronic resource]. // Access mode: https://www.dp.ru/a/2020/12/15/Peter-burzhci_pozhalovalis?ysclid=1733sioief55580410. – (Accessed September 1, 2022).

5. Criminal Code of the RSFSR 1922 [Electronic resource]. // Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/901757375?ysclid=17ixpeh7zz296817757>. – (Accessed September 1, 2022).

For citation: Gareev M.F. Criminal liability for raising tariffs in housing and communal services: an article // Legal Thought. 2023. No. 2 (130). P. 96–98.

DOI: 10.25839/MATGIP.2023.130.2.093

ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре**. Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте (**в отпечатанном виде**) и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House “Law Institute” (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author)**, indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или **магистра**

(в зависимости от срока обучения)

и выдается **диплом государственного образца о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим (неюридическим) образованием**
– **ускоренный курс обучения – 3 года**

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 1.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 1.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки);
- 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: <http://lawinst-spb.ru/magazine>
<http://matgip.ru>
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 17.06.2023. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 7,2. Усл. п.л. 12,36. Тираж 100 экз. Заказ № 14042.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru